

В. Храпов

РОДИТЕЛИ ПРОСЯТ СОВЕТА

Издательство «Знание» Москва 1983

ББК 88.4 X 90

Автор: ХРАПОВ Валерий Евгеньевич, московский учитель, автор многих статей по проблемам воспитания.

Рецензент: Овчинникова Ирина Григорьевна, журналист.

Храпов В. Е.

X90 Родители просят совета.— М.: Знание, 1983. — 96 с. — (Нар. ун-т. Пед. фак., № 1).

15 к.

Автор книги, московский учитель, через ответы родителям на наиболее острые вопросы воспитания пытается взглянуть на семейное воспитание глазами школы, а на проблемы школы — глазами семьи.

Для слушателей и преподавателей народных университетов, родителей,

4311000000

ББК 88.4 371

Издательство «Знание», 1983 г.

Содержание

Обращение к читателю

Куцая доброта

«Оглянись во гневе!»

«Кандидат в родители» — почетное звание?

Послушный ребенок — радость или беда?

«Спринт» или забег на бесконечную дистанцию?

Зерна совести

Наказание одиночеством

Подделка в дневнике

Простые секреты

«Если бьет дрянной драчун»?

Быть ли перемене в перемене?

Рыба ищет, а человек создает

Для чего нужна суббота?

Рекомендуемая литература

Обращение к читателю

Эта книжка о современных и вечных проблемах воспитания. Ибо родилась она в результате поиска ответов на вопросы, поставленные в письмах родителей в редакцию. О вечных. Ибо бесконечен процесс влияния старшего поколения на младшее и наоборот — младшего на старшее, процесс взаимовоспитания.

Мы коснемся в основном проблем, методов и подхода в воспитании детей школьного возраста. Во-первых, потому что ее автор — московский учитель истории, а во-вторых, отец двух сыновей, один из которых давно уже школьник. (Хотя, что во-первых, что во-вторых, сказать трудно.) Подобная счастливая ситуация невольно позволяет ему взглянуть на воспитание в семье глазами школы, а на воспитание в школе — глазами семьи.

Но не спеши, родитель, отложить эту книжку в сторону, вспомнив, что твоему ребенку лишь полтора годика и школа — это где-то далеко, нескоро. Попытайся заглянуть дальше, увидеть те надводные и подводные камни, которые, может быть, подстерегают и твою семью, и твоего ребенка. Многие из них надо бы обходить задолго до того, как твой, теперь уже шестилетний, сын (или дочь) переступит порог школы.

Не спеши отложить книжку, и пожилой читатель. Может быть, ты что-то переосмыслишь в уже имеющемся у тебя родительском опыте да и, вздохнув, признаешь, что через несколько лет придется тебе многое пережить снова, но теперь уже в роли бабушки или дедушки. Это только нам кажется, что школьный звонок звенит по-прежнему. Многое изменилось в жизни, и в жизни школы тоже.

Профессия родителя — одна из самых сложных профессий в мире. Да-да, профессия, мы все больше и глубже осознаем это. Ибо быть матерью или отцом, бабушкой или дедушкой — это не только умение накормить, постирать, выгладить, присмотреть, помочь решить задачу, но и умение понять движение другой души, которая вроде бы так похожа на твою, но вместе с тем — совсем другая. А вслед за этим сколько труда (и физического, и умственного), сколько умений и навыков требует эта профессия!

Работа, труд, профессия. Все это действительно так, только с одним но... Работу, если что-то не получится, можно будет и поменять. Но в том-то и дело, профессию родителя поменять нельзя. Можно увильнуть от нее, увильнуть порою не явно, порою не отдавая отчета даже себе, укрывшись за любовью к работе, к рыбалке или хоккею, к приготовлению вкусных обедов, к встречам с интересными людьми, да мало ли еще за чем... Но так или иначе мы будем оказывать влияние на воспитание своих детей,

Более того, эта профессия не может быть нелюбимой. Не имеем мы права не любить ее. Ибо эта нелюбовь — горе, беда не только для нас, наших детей, но и для всех окружающих в настоящем и будущем. И как любая другая профессия, требует совершенствования, мастерства и знаний — этого главного инструмента в воспитании. Знания не только своего ребенка, но и детей вообще, знания того полузабытого мира, который мы называем миром детства. И здесь не следует пренебрегать ничьим опытом: ни А. С. Макаренко, ни соседа по этажу.

Сказать, что у этой книжки один автор, было бы не совсем точно. У нее много авторов. И не только среди тех, кто присылал письма, но и среди тех мальчишек и девчонок и их родителей, которые встречались на перекрестках школьной жизни. У этой книжки, с одной стороны, много героев, с другой — всего лишь два: Ребенок и Взрослый, стремящийся постичь этого ребенка, а вместе с тем и самого себя.

Возможно автору кое-где не удалось избежать некоторой назидательности. Заранее простим ему это: он все-таки учитель...

Письмо первое

...Хочу рассказать вам о соседском мальчике Максиме. Вырос он на моих глазах. Рос он с матерью. Отец его частенько приходил домок выливши, скандалил, и мать с ним развелась, когда Максиму еще не было и трех лет. Но, оставшись без мужа, она старалась, чтоб мальчик ни в чем себя ущербным не чувствовал. Работала за двоих. И жили они не хуже других. В доме все есть. И телевизор, и холодильник, и стиральная машина, и книжки, какие надо, и даме ковер на стене висит. Без присмотра мальчишка не оставался. Сначала на пятидневку в детский садик ходил, в школе — в группу с продленным днем.

Но где-то в классе шестом Максим перестал учиться. Несколько раз видел я его в урочное время в беседке детского садика, что во дворе соседнего дома. Потом как-то у кинотеатра его с папироской в зубах встретил. Остановил. Спросил, почему же это он в кино ходит, по беседкам болтается, когда все товарищи его учатся? И откуда он деньги на кино и на табак берет? Пристыдил, конечно, что мать его спины на работе не разгибает, в две смены работала, а теперь в вечерний техникум пошла, чтоб выучиться — зарплату побольше получать, все для него старается. А он что? Чем он матери за доброту платит? Мальчишка стоял, голову опустив. Молчал. Да тут его дружки (постарше него) окликнули. Он и убежал от меня. Вечером рассказал я все это его матери. Да ей, бедняге, может, и не стоит всего говорить? И так недели не проходит, чтобы кто-нибудь из учителей ее в школу не вызвал, не «порадовал» максимкиными «успехами». Она и так измаялась. С утра пораньше в школу бежит, потом на работу опаздывает, да еще через вечер в техникум. А ведь еще поесть приготовить надо, постирать-погладить...

Пробовала она его ремнем поучить, да он вон уже какой здоровый! Вполне может и сдачи дать. Об отце она, правда, не вспоминает. Да и был ли бы толк от такого отца?

Но ведь все же у нас есть для таких Максимок. Сколько у нас прекрасных стадионов, Домов пионеров, кружков и в школе, и в ЖЭКе. Уроки учить трудно — тебе, пожалуйста, продленный день в той же школе. Так нет! Неделю назад Максимку поставили на учет в детской комнате милиции. Попытался с друзьями бутылку вина распить в подъезде, да на участкового наткнулись.

Вот и выходит, что, несмотря ни на что, катятся такие Максимки, как говорится, по наклонной плоскости... А ему и 14 лет нет. Что же будет дальше? Выходит, дружки-то Максимкины сильнее нас оказываются?! Да и дружки эти к нам не с неба свалились...

Из письма И. Руденко, ветерана труда, г. Тула

Куцая доброта

Не знаю, сумею ли я ответить на все Ваши вопросы, уважаемый товарищ Руденко, но постараюсь. Если не смогу сам, посоветуюсь с моими добрыми знакомыми.

Итак, речь пойдет о так называемых «трудных подростках». Беру этот термин в кавычки, потому что он широко распространен, но не совсем точен. Каждый ребенок по-своему труден, сложен, а если рассматривать слово «трудный» в другом смысле, то в воспитанного ребенка труда вложено не меньше (даже наверняка больше), чем в невоспитанного. Но все же будем пользоваться общепринятым термином.

Сколько встретил я этих «трудных» за свою не столь уж долгую деятельность в школе? Сотня вполне наберется. Хотя помнятся, конечно же, только наиболее яркие личности. Первый год работы. В моем 8 «Б», куда меня назначили классным руководителем, их было 22 из 36. В только что открывшуюся школу постарались сплавить из других то, «что нам негоже». Тогда-то мы и развернули работу с ними. Документацию на каждого заводили. Но возможно ли вести документацию сразу на 22 человека? Ведь еще масса других обязанностей есть у начинающего учителя, к тому же классного руководителя! Завуч успокоила: предложила учитывать лишь тех, кто стоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних.

Но разве только они доставляют нам наибольшие волнения? Одни попались: взрывали гильзы на железной дороге, били стекла в будках телефонов-автоматов, вытряхивали из малышни гривенники. А сколько таких, кто еще не попался? И разве не «трудные» те, кто в восьмом классе забыл или вообще не знает таблицы умножения?! А те, кто поначалу срывал почти каждый мой урок невинной игрой на детской гармошке, изображая крокодила Гену,— они не «трудные»? Да они же, хотелось крикнуть мне, вредители самые настоящие! Каждый день вредят и себе и другим.

Но сколько я ни метался, вызывая родителей в школу, взывая к совести учеников, выставляя, выгоняя наиболее надоевших за дверь, ничто не помогало. Все шло своим путем. И наша школа сплывала в «большую жизнь» злополучный 8 «Б», как за год до этого его сплывили нам.

«Трудный» — емкое слово. А сколько эмоций скрыто за этим словом! Часто кажется, что характеристика подростка 14 – 15 лет вся написана на его лице, порой очень

открытом и доверчивом. Вследствие детской наивности такие ребята ничего не скрывают и, не желая замечать в себе ни белых, ни черных пятен, готовы раскрыться перед кем угодно. Но есть и другие. Достаточно взглянуть в глаза парня, и ясно: не подступись! А подступаться надо...

Мы говорим: солдатами не рождаются. Но ведь и «трудными» тоже не рождаются. И не рождаются вдруг, как это может показаться из истории Максима. Любимый здоровый ребенок доверчиво тянется к нам, взрослым. А мы? Мы стараемся ответить тем же, помочь еще во многом беспомощному существу. Но как же тогда становятся «трудными»? Откуда они берутся?

Вот об этом мне очень хотелось поговорить с одним из самых «трудных» в нашей школе — Юркой Ростановым, о котором слышана инспекция по делам несовершеннолетних нашего района и у которого только по одному предмету четверка в четверти — по-моему...

Он ходил за мной по пятам три дня — то с Жориком, то с Костиком,— после того как я однажды как бы невзначай обронил, что хочу поговорить о его житье-бытье. Мне все не хватало времени посидеть и поговорить с ним как следует. К тому же я боялся: а вдруг разговора не получится? Но сегодня он с Костиком прождал меня целых 45 минут (у них было пять уроков, а у меня шесть).

И вот после звонка мы расположились в кабинете литературы, где можно было свободно и без помех потолковать по душам. Мне хотелось узнать: когда же он, этот Юрка, стал «трудным», когда он сам осознал себя таковым? В лоб спросить боязно — не поймет. Я начал издали:

— Юра, а что ты помнишь из своего раннего дошкольного детства? Расскажи первое, что вспомнишь.

(Мне всегда казалось, что именно те, первые события детства, врезавшиеся в память, накладывают неизгладимый отпечаток на наш характер.)

— Как из детского сада бегал...— начинает вспоминать Юрка.— Я четыре раза бегал... Однажды воспитательница на мороз выставила. Это она так наказывала тех, кто спать не хотел днем... Выставила меня на крыльцо в пальто и в «чешках» и говорит: «Стой здесь!»— а я закричал: «Пап! Пап!» (Отец у меня в том же детсаде плотником подрабатывал.) Она пошла посмотреть, где отец, я и драпанул домой! Только «чешки» сверкали! Она — за мной. А дом у нас рядом. Я — в подъезд и прямо на третий этаж, к себе в комнату...

— Как же ты в квартиру попал? — проверяю я рассказчика.

— А мать дома была. Она открыла, и я тут же за дверь спрятался, кричу: «Ма, не открывай!» А воспитательница звонит часто-часто... А потом отец к ней ходил разбираться... Я уже 1че помню, чем в тот раз дело кончилось.

— Мы с Гошей тоже бегали,— проявил солидарность

Костик.— Воспиталки плохие были. Меня как-то в санаторий отправили, тут недалеко. Хороший санаторий: кормят ничего, гуляешь. А вот воспиталки плохие.

— Я бы вам еще рассказал,— вновь вступает Юрка.— Но не сейчас. Потом как-нибудь. А то этот развонит...— кивает головой на Костика.

Костик явно обижается:

— Я?! Да много ты знаешь!

— Ладно, Юр,— вмешиваюсь я,— не хочешь — не рассказывай. Мы же договорились по-честному.

Юрка молчит. Но, может быть, и не стоит молчать, раз уж все по-честному?

— Я тоже в этом санатории был. Так мне однажды воспитательница...— Юрка замялся.— В общем, описался я, а она мне простыню на голову накрутила, как чалму, чтобы я этого не делал больше.

— И со мной то же самое было,— снова подключился Костик.

— Ну вот вы и связаны одной тайной!— вынужден был улыбнуться я.

«Взрослый человек является для дошкольника постоянным притягательным центром, вокруг которого строится его жизнь. Это порождает у ребенка потребность участвовать в жизни взрослых, действовать по их образцу. При этом ему хочется воспроизводить не только отдельные действия взрослого человека, но подражать всем сложным формам его деятельности, поступкам, взаимоотношениям с другими людьми, всему образу жизни...»— прочитал я недавно в одной педагогической брошюре. Интересно, что бы сказали, прочитав эти строчки, те воспитательницы? И слышали ли они вообще что-нибудь о проблеме «трудных» подростков?

Чего они хотели? Думали ли они, что будет с Юркой, с Костиком дальше: не в пять, а в пятнадцать-шестнадцать лет? Вряд ли. Им просто хотелось, чтобы у них в группе был полный порядок. Каждому хочется, чтобы в его работе был полный порядок. И начальству при обходе тоже понравится: все дети спят, простынки у всех чистые. (Хотя насчет чистых простынок я не уверен. Страх может затормозить реакцию ребенка только на время, а потом... потом на почве страха может развиваться хроническое заболевание.)

Я думаю, что воспитательницам просто хотелось добиться «правильного поведения» ребят побыстрее, но добивались они желаемого с позиции силы.

Как часто мы, взрослые, «не ведаем, что творим»... Ведь воздействие на ребенка с позиции силы не лечит, а уродует его душу. Об этом еще 50 лет назад предупреждал выдающийся педагог Януш Корчак: «...какими обычными, невинными кажутся нам наши шлепки, волочения ребенка за руку... Чувство слабости вызывает почтение к силе: каждый, уже не только взрослый, но и ребенок постарше, посильнее может выразить в грубой форме неудовольствие, подкрепить требование силой, заставить слушаться, может безнаказанно обидеть.

Мы учим на собственном примере пренебрежительно относиться к тому, кто слабее. Плохая наука, мрачное предзнаменование».

Вот это «предзнаменование» уже в пять лет повисло над Юркой и Костиком. Уже в пять-шесть лет начали они свой путь «трудных». Их совсем юные, неустойчивые личности, столкнувшись с миром недобрых взрослых, уже тогда начали относиться к этому миру с недоверием.

— Раз уж мы предались воспоминаниям,— продолжил я разговор,— вспомните, а в школу вам хотелось идти?

— Еще бы! — хором ответили мои собеседники.

— Меня читать научили в подготовительной группе! — радостно сообщил Костик.

— Как?! До школы еще?! — удивился я, зная, что Еремин читает, может быть, чуть лучше, чем по складам.— А я думал, ты этому только в школе научился...

— А я тоже! — не желал отставать от приятеля Юрка.— Сначала мать книжки читала, а потом я сам начал и считать тоже до школы научился.

Эти слова не были для меня неожиданностью. Ростанов много читает самых разных книг, но вот учиться... Это ему не по душе.

— А когда вам учиться надоело?

— Да в первом же классе.— Тема эта для восьмиклассника Ростанова была уже, видно, далеким воспоминанием.— Помню, написал все очень старательно, красиво. Ну, думаю, обязательно должен пятерку получить. А тетрадка чуть запачканная была — учительница и поставила четыре. Вот тогда я и решил больше не стараться. А потом пошло... Вот вы кому двойку скорее поставите: мне, двоечнику, или какой-нибудь отличнице? Ее-то, даже если она не выучит урок, вы пожалеете, скажете:

«Подучишь»,— а Ростанову точно вклейте пару. А мне после этого совсем делать ничего не хочется. А тут еще Вадька: «Смотрите — отличником захотел стать!» Ну и бросаешь все...

— А мне учиться в четвертом классе надоело,— вставил Костик.

—Почему?

— Не знаю, до третьего все нормально было, даже по математике четыре, а потом надоело...

Я не могу точно сказать, почему Еремину надоело учиться после третьего класса. Может быть, потому, что в четвертом классе вместо двух учителей стало сразу восемь? А может, потому, что отец начал пить беспробудно? Вообще пятнадцатилетняя жизнь Кости — хрестоматийный пример того, как подросток становится «трудным». Как и в случае с Максимом, мать развелась с отцом, когда Еремину было два года, а сестре — десять. Но отец до сих пор живет с ними в двухкомнатной квартире. В одной комнате — Костик, мать, сестра с мужем и ребенком, в другой — отец-алкоголик, который часто устраивает скандалы до драк с вмешательством милиции. Какие уж тут уроки! Жизнь Костика типично трудная. Улица — его дом. Но, может быть, и Максима тянут туда же, потому что там он находит радость общения, уважительное отношение к себе со стороны «дружков»? Они-то его не забывают в отличие от матери, которая за вполне понятными многочисленными заботами все же наверняка мало уделяла внимания сыну. Внимания не материального, вещевого, а духовного.

Но Юрка? С отцом все в порядке. Ну, может, когда и даст подзатыльник («за дело»). Но Юрка пришел в школу не только подготовленным по математике, но и с ожиданием возможной обиды и насилия со стороны взрослых.

— Юра,— продолжаю расспрашивать,— а кто такой Вадька?

— Да вы его знаете — Однобоков. Он в прошлом году школу кончил. У нас с Вадькой все было... Про драку между Дядьковым и Авиамоторной слышали? Это все с нас началось! Пришли эти, с Авиамоторной, на стройку, сидят на плитах, курят, ругаются — выставляются, в общем. Один что-то сказал. Вадик — к нему, а я сзади подсел. Ну и лихо же этот через меня с панелей летел!

А потом...— Юркины глаза загораются, речь становится сбивчивой (есть что вспомнить!).— А потом наши и ихние в овраге встретились. Что было! Мы настоящее сражение устроили. Впереди пацаны — из рогаток гайками стреляют, за ними мы с кирпичами. Тем ребятам здорово досталось! Правда, и одному нашему кирпичом голову проломили... Ну, когда милиция и дружинники приехали, все бросились кто куда, а я, как обычно, в канализацию. Ребята за мной, а за ними милиционер. Я под люк залез, а ребята дальше побежали, и милиционер за ними. А я обратно... Это нас прохожие заложили, а то бы мы этим, с Авиамоторной, показали!

— А может, прохожие вас спасли? Дело-то чуть до убийства не дошло...

— Может быть,— соглашается Юрка.

— А сколько у тебя приводов в милицию было?

— Три,— спокойно, но не без гордости отвечает Ростанов.

— За что?

— Да ерунда! С Сережкой Лыковым картошкой кидались с балкона. Ну, я одной старушке и засветил, случайно. Тут какой-то мужик прибежал, в дверь ломиться стал. Я, конечно, закрылся и не пускаю. А он в милицию позвонил...

О подобных «приключениях» Юрка может рассказывать долго. Так, я уже знал, что они с Лыковым однажды пускали «подбитые самолеты» (то есть подожженных бумажных голубей) и... подожгли какую-то рухлядь на балконе второго этажа. Пожар затушили. А Ростанов и Лыков «заработали» еще по одному приводу.

Вот так шло становление Юркиной личности. Уродливое, однобокое, но становление. Становление, при котором главным принципом стал поиск «приключений»-развлечений, а в них — никому и ни в чем не уступать. Стоять на своем. На той самой позиции силы, к которой его приучали, может, невольно, еще в детском саду, да и потом только с нею он сталкивался в результате своих проделок.

Однако так ли однобок Юрка? Да, он любит провести время лихо. Но может и книжку почитать. (Сказалось благотворно раннее обучение чтению.) Сколько он перечитал фантастики, книг о войне! Записан в трех библиотеках. Ему хочется разнообразной жизни. Романтики хочется. Может, он потому и записывался во все секции, которые существовали в округе: и плаваньем занимался, и настольным теннисом, и баскетболом, и дзюдо... Где-то задерживался на полгода, год, где-то и двух месяцев не побыл, в одном виде спорта оказался бесперспективным, из другого сам ушел. На постоянные, порой однообразные тренировки терпения не хватало... А что же школа?

— Слушайте, а что вам не нравится в школе?

— Скучно,— отвечает первым Ростанов.— И учителя придираются. Да вот хоть трудовик наш — Владимир Иванович, ох и вредный мужик. Гвоздик вот такусенький в верстак забьешь — раскритичится!.. А потом еще и на родительском собрании скажет, что ты десять гвоздей забил! Или станок... Забудешься, переключишь на скорости, так он такой крик поднимет! А сам станет работать и тоже на скорости переключает. Я ему сказал как-то об этом, а он: «Это я с тобой замучился — вот и забылся!» Ему, значит, можно забыться, а мне нельзя...

— Или француженка,— вставил свое слово Костик.— Ее у нас в классе никто не любит. Несправедливая... Вот Гошка один раз выпил,— тут Костик, мягко говоря, ошибается: Гоша выпивал уже не один раз.— Так она такого напела родителям на собрании. Даже братьев Липкиных приплела, а они вообще не пьют. И ребята отличные. Скажете, нет?

Я согласен, братья Липкины — отличные ребята. Это сейчас. А совсем недавно я их тоже числил в разряде потенциальных правонарушителей. Но однажды в овраге, недалеко от школы, я случайно увидел настоящее средневековое сражение, разыгранное по всем правилам военного искусства, с соблюдением техники безопасности. На вооружении у отрядов были и мечи, и копья, и щиты, и даже латы! А на возвышении стояли арбитры и определяли, кто убит, а кто ранен. Эта игра почти ничем не отличалась от маневров. Заинтересовавшись, я узнал от ребят, что «сражения» идут уже пять лет, а придумали их братья Липкины. Придумали они и другую игру — в солдатики. Но какие! Ребята сами терпеливо изготавливали из проволоки и пластилина целые отряды бойцов: от воинов Петра I до красноармейцев, а еще наполеоновских драгун, итальянских гренадеров, немецких кирасир, стреляющие мини-пушки разных калибров. Благодаря братьям многие ребята увлеклись военной историей... Но в школе Липкины проявляли себя чаще всего как неуспевающие, перебивающиеся с двойки на тройку, даже по истории. К учителям относились очень настороженно, недоверчиво. И если бы не этот случай, то не поменялось бы и мое стереотипное представление о них. Но вернемся к монологу Костика.

— Француженка наша, что ни случись, обязательно все матери расскажет и ославит по всему Дядькову! Ее не только моя мать, а и Глотова, и Волкова, и все Другие ненавидят. И на собрания к ней идти не хотят, потому что она про всех только одни гадости рассказывает.

— Вот зачем взрослые так делают?! — пытается с моей помощью решить мучительный для обоих вопрос Юрка.

«А может, вы преувеличиваете?» — хотелось в ответ спросить мне. Но не спросил. Промолчал. Наверное, важнее узнать их субъективное восприятие нашего взрослого мира, на который они реагируют тоже субъективно, по-своему.

Я знаю «трудолика» и «француженку». Это опытные учителя со стажем лет по двадцать пять у каждого. Мастерские Владимира Ивановича считаются образцовыми в нашей районе, и он ими заслуженно гордится. У Инны Павловны в классе постоянно 10—12 «хорошистов». И «процент качества успеваемости» по французскому у нас в школе весьма высок. Инну Павловну часто ставят пример другим учителям. И наверняка оба педагог своими замечаниями стремятся достичь того, чтобы «все было хорошо».

Но и обиду ребят я не могу отмести с порога. Не могу, как не могу отмести «воспиталку» из детского сада.

— А зачем они родителей доводят?! — Юрка идет в атаку дальше.— Видят, что мать чуть не плачет, а все наговаривают и наговаривают! Мать придет домой — и сразу на диван плакать. А отец за ремень! И пошло-поехало...

Юрка живет во вполне благополучной и обеспеченной семье. Мать, проработав медсестрой в рентгенкабинете, ушла в 45 на пенсию. Старший брат с отцом, работающим еще и по совместительству, вполне обеспечивают семью. Но вот беда: обгоняет дурная слава Юрку и Костика, приучает ждать от них только плохого. И воздействуют на них чаще всего так же: жалобы, замечания в дневник. И родители почти не ожидают хорошего.

Помню напряженные глаза матери Ростанова, когда она, вызванная в очередной раз в школу, подошла ко мне, вернее, ее подвел Юрка. Он ждал похвалы от меня и дождался. Он действительно стал гораздо лучше заниматься по моему предмету. Может быть, потому, что после открытия для себя братьев Липкиных я стал меньше обращать внимания на его шутки и комментарии? Может, Юрка почувствовал немножечко больше доброты, внимания, снисходительности? Не случайно же он подарил мне книжку — не к празднику, а просто так, подошел и подарил. На доброту ему тоже хотелось ответить добротой.

— Слушайте, друзья, ну а хоть что-то вам нравится в школе?— надеясь на мажорное завершение нашего разговора, спрашиваю я.

— На уроках?— уточняет Костик.

— На уроках, и не только...

— У нас учительница математики была — Галина Евсеевна, помните? Так она на контрольной музыку включала. А больше ничего хорошего,— со вздохом говорит Костик.

— Так уж и ничего?— не унимаюсь я.

— Почему?— поддерживает мои устремления Юрка.— У Анны Владимировны интересно на литературе: мы прочитанные книжки обсуждаем, спорим...

— Да, Анна Владимировна это умеет,— соглашаюсь я.— Но не на каждом уроке такое возможно — программа ведь... Все надо пройти от А до Я, а если/еще проболеешь недели две, так вообще в цейтноте окажешься...

— Это верно,— соглашается Юрка.

— Ну, хорошо. А еще что-нибудь интересно вам в школе?

— Театр.

— Какой театр?

— А помните, Анна Владимировна с нами «Корчагина» ставила! Мы еще в ЖЭКе выступали...

— Во, точно. Театр — это здорово,— подтверждает Костик.

Я, конечно же, помню ту инсценировку. Мне, воспитанному на лучших традициях художественной самодеятельности, виделась тогда лишь слабая постановка на скорую руку. Теперь я понимаю, что в ней таилось нечто более важное, более существенное, нежели просто игра «в театр».

У Анны Владимировны один сын-семиклассник, любящий муж-помощник, домашних забот не так уж и много. И она вдохновенно работает, не считаясь со временем, ради Юрки и Костика, и многих других. Она стала для них пусть небольшой, но опорой в мире взрослых, растопив ледок недоверия.

Мажорный аккорд, которого я ждал, все же прозвучал!

Мы еще долго говорили. Я спросил их о будущем. Оказалось, они мечтают, и даже серьезно. Ростанов хочет стать водителем-испытателем или работать шофером в «Совавтотрансе». Еремин—электриком в поезде дальнего следования.

— Мир посмотреть хочется! — Признался он. Вот тут-то и я не обошелся без нравоучений. Спросил прямо; что они вынесут из школы? Уроки они перестали готовить еще года три назад, знаний систематических ни по физике, ни по математике у них нет... Но Костик, вздохнув, сказал:

— И все-таки... В детском саду в школу хотелось, а в школе из школы хочется...

Но сегодня им из школы не хотелось. И мы продолжали разговор, только теперь чаще они спрашивали меня — о международном положении, о неопознанных летающих объектах, за какую футбольную команду болею и почему... Их многое интересует и волнует.

В окна школы смотрели ранние зимние сумерки. Пора было расходиться.

— А у вас свободный день есть?— неожиданно спросил Костик.

Нет. Сейчас нет, раньше был...— ответил я, не понимая к чему это он.

— Жаль,— вздохнул Костик, переглянувшись с Юркой.

— Мы вас в кино пригласить хотели,— пояснил тот.

— Ну, в кино мы с вами обязательно сходим, выберем время...

Вечером я, как всегда, спешил домой. Пробовал читать в переполненном автобусе. Но из головы не выходили Юрка и Костик и люди, которые оставили следок в их пятнадцатилетней жизни: «воспиталки», Владимир Иванович, Инна Павловна, Анна Владимировна с ее театром, «мужик», пожалевший старушку ко время картофельной битвы. Сколько нас, званых и незваных воспитателей, прошло через формирующееся представление ребят о мире, о его законах и ценностях. Мне не хотелось бы делить нас на категории, писать через точку с запятой. Все мы прошли, так или иначе, но все. И вообще все мы добрые люди, во всяком случае хотим такими быть... Но получается ли?

Доброта в воспитании — не прихоть. Не может она быть и доведением к душевному комфорту. Нет и не может быть доброты на пять минут, доброты походя, доброты без перспектив.

Мы, взрослые, очень часто торопимся, спешим. Нам, вольным или невольным педагогам, с дипломом и без него, хочется видеть результаты своих воспитательских усилий, видеть немедленно. Мы даже пытаемся оценить их в цифрах «охваченных», в «процентах качества успевающих», в количестве сделанных замечаний. Именно вот такая наша куцая педагогика, куцая доброта оборачиваются против нас самих: Юркам, Костикам, Максимкам просто хочется бежать от нас.

Что-то, конечно, можно объяснить, в чем-то понять. Да, мы устаем, мы перегружены, мы тоже люди, а не боги... После разговора с Юркой и Костиком все чаще и чаще стали вспоминаться врезавшиеся в память со школьной скамьи слова Л. Н. Толстого о том, что лучше ничего не делать, чем делать плохо, делать во зло. Педагогика — та область, где эффективность и качество не определяются скоростью обработки детали. «Испорченная заготовка» — подросток — хотим мы или не хотим, уже сама шагает в большую жизнь и уже сама формирует новые «заготовки».

Даже руководствуясь добрыми побуждениями, как часто мы забываем, что растить-то мы призваны друзей своих, а не врагов. Борьба, война способны разрушить, но созидать можно лишь в мире — прописная истина. Подтверждаем ли мы эту истину делами своими?

Глубоко и верно сказал Василий Александрович Сухомлинский: «Путь к сердцу ребенка пролегает не через чистую, ровную тропинку, на которой заботливая рука педагога только то и делает, что искореняет сорняки-пороки, а через тучное поле, на котором развиваются ростки моральных достоинств... Пороки искореняются сами по себе, уходят незаметно для ребенка, и уничтожение их не сопровождается никакими болезненными явлениями, если их вытесняет бурная поросль достоинств».

Что же это такое — «тучное поле»? Как мы готовим его?

Наверное, это такая обстановка в семье, в школе, на производстве, где наши Юрки и Максимки могут разносторонне проявить себя, поверить в свои силы, в свою человечность. (Как это было с театром Анны Владимировны.) Наши уроки и наши кружки, спортсекции и мастерские, ребячье самоуправление и педагогическое внимание к «трудным» нужны как раз для того, чтобы зажегся огонек уверенности в подрастающем человеке.

И Вы, уважаемый товарищ Руденко, если Вы действительно заинтересованы в судьбе Максима, не ограничьтесь эпизодическим вмешательством, нотацией, а вместе с его матерью и школой начните готовить «тучное поле». Постарайтесь не выпячивать и без того известные недостатки Максима, а поищите и, я уверен, найдете «ростки достоинств», которые далеко не сразу, но дадут свои плоды.

Письмо второе

У меня два внука. Сейчас им 15 и 8 лет. Живут они в другом городе, но я довольно часто общаюсь с ними, стремлюсь по возможности видеться чаще. Очень тревожит меня их жизнь.

Их мать, моя невестка, постоянно била и бьет своих сыновей. Бьет не от бескультурья или непонимания. Нет. Она убеждена, что этот метод воспитания вполне оправдан: «Не полиняют, меня били и ничего плохого не вышло!» Моя невестка — женщина образованная, работает в школе, преподает русский язык и литературу в старших классах. Ни я, ни мой сын не можем остановить ее ни убеждением, ни крупными разговорами, ни скандалами.

Сын мало видит своих детей: часто бывает в командировках или поздно приходит с работы. Я старый человек, и у меня мало сил сопротивляться этому злу. Дети больше всего бывают с матерью и ежедневно испытывают окрик, выговор, побои. Дети и сами теперь кричат друг на друга, а иногда и на взрослых. Кроме того, мать поощряет старшего бить младшего брата...

Очень жаль детей, особенно младшего. У него был живой, смелый характер, но мать заявила, что она все это из него выбьет. И теперь он становится трусливым, при окрике теряется или начинает врать. Я хотела обратиться в школу, где работает невестка, но подумала: «Не сделаю ли еще хуже детям? Ведь от неприятных бесед моя невестка будет еще злее и беспощаднее...» Вот так в доме нет защитника детям от собственной матери. Вот какая у меня беда. Как быть, и ума не приложу.

К. Н. г. Ростов-на-Дону

«Оглянись во гневе!»

Уважаемая К. Н.!

Мне трудно давать Вам советы. Во-первых, Вы видите и понимаете не хуже меня результаты «ременной педагогики»; во-вторых, из одного письма тяжело понять всю сложность ситуации, в семье Вашего сына, все оттенки отношений. Но главное — ясно. Поэтому-то я и решился ответить и даже опубликовать ответ. Может быть, его прочтут и Ваша невестка и Ваш сын, и многие другие похожие на них люди.

В первый момент хотелось согласиться с Вашим предложением обратиться в школу, более того, хотелось предложить обратиться в районную комиссию по делам несовершеннолетних. Но потом, еще и еще раз перечитав Ваше письмо, решил, что спасение все-таки надо искать не на стороне. Что детей бить нельзя, кому-кому, а человеку, закончившему педагогический институт, все это хорошо известно. Пользоваться физической и духовной слабостью ребенка — ведь он не способен, как правило, оказать открытое сопротивление насилию со стороны взрослого, особенно один на один — преступно. Вопреки всем доводам родителям, сохраняющим в семье дикую традицию, кажется, что после порки ребенок становится лучше, поэтому свои действия они объясняют благими желаниями добиться от ребенка в короткий срок должного поведения.

Да. Может быть, ребенок и становится послушнее — на какое-то время, но лучше, человечнее — нет! Насилие, даже не в виде порки, дает обратные результаты.

...Я еще только начинал работать в школе. И как-то больше половины девятиклассников не подготовились к уроку, готовились к зачету по математике. Ах так! И я хладнокровно выставил 21 двойку и только потом разразился гневной речью. Помнится, я очень возмущался их «рабской психологией»: «Вы слушаетесь того, кто сильнее. Накажет учитель математики — учите математику, нажмет учитель химии — химию... Почему вы не уважаете в себе человека?!»

А позже я сам ответил на этот вопрос: и я, и другие учителя своими массовыми двойками, проработками, замечаниями в дневниках сами способствуем развитию этой психологии. Я долго ругал себя за то, что уподобился единственной нелюбимой учительнице из моего детства. Она единицами, записями в дневниках, бесконечными вызовами родителей в школу добивалась выполнения всех ее указаний и требований. И добилась. Мы часами «долбили» дома химию. Но на уроках молчали, цепenea от страха: вдруг что не так?! В конце года в журнале не было по химии двоек, но и четверок, не говоря уж о пятерках, было мало. А главное, химию мы так же ненавидели, как и учительницу.

Послушание, достигнутое угрозами и наказаниями, словом, насилием,— это временный и сомнительный результат. Главный результат совсем другой: ребенок начинает ненавидеть тех, кто его наказывает. И если наказывают родители — даже родителей. Растет озлобленность. Насилие порождает ответное насилие, которое, не имея возможности быть применимым к взрослым, часто переносится на младших и, следовательно, слабых, как это происходит с Вашим старшим внуком. Грубеет душа. Внутренних нравственных движений в ней все меньше и меньше. Ребенок привыкает жить и работать «из-под палки». Собственное внутреннее, духовное развитие его прекращается. И этот процесс может стать необратимым. Вот что страшно! Не это ли происходит с так называемыми «трудными подростками»?

Ваша невестка глубоко заблуждается, считая: «Меня били, и ничего плохого не вышло!» Вышло! Вышел двуличный человек, лицемер и ханжа. Вдумайтесь: на уроках литературы она говорит о борьбе передовых писателей за свободу, за уважение достоинства человека и свободное развитие личности. А на деле она унижает эту личность, постоянно ограничивает ее свободу. Она подчиняется порядку, принятому в советской школе, а дома насаждает страх и лицемерие. Насилие, которому она подвергалась в детстве, оставило свой глубокий след.

И еще. Живет жестокая, душевно близорукая мать, которая не видит последствий своего поведения не только для своих детей и семьи, но и для себя самой.

Отец одного из моих учеников рассказал одну поучительную историю, после того как на одном из родительских собраний был поднят вопрос о наказаниях: «Мы жили в небольшом подмосковном поселке. В конце первого класса получил четыре двойки по русскому языку. И моя мама — единственный в поселке человек со степенью кандидата наук — видимо, стыдясь, что ее сын из интеллигентной семьи докатился до такого позора, стала исправлять положение с помощью ремня. Я сопротивлялся в меру своих семилетних сил: уверял, что в другой тетради, что была у учительницы, хорошие отметки. Она не слушала. Так и пошло. Двойки или замечания в дневнике — мать за ремень. Когда стал постарше, убежал из дома, сначала недалеко, а в шестом классе — в другой город. Лет в 14 мать меня уже перестала бить — я был сильнее ее. Но от этого мало что могло измениться. Когда я слышал по радио или читал о любви и уважении к матери, я не верил в это, считал, что люди фальшивят, что это все показное. Мы с матерью стали почти чужими людьми. Отношения стали восстанавливаться после того, как у меня появились дети. Но до сих пор нет между нами любви, душевной близости...»

Ваша невестка, наверное, тоже страшится неудач своих детей в школе. Но убитую подобными «приемами воспитания» сыновью любовь не воскресить потом никакими подачками, слезами и попреками в неблагодарности. Неужели на это она хочет обречь себя в будущем? Да видит ли она это?

И тут я хотел бы обратиться к отцу мальчиков, к Вашему сыну. Раз он понимает, что так строить отношения с детьми нельзя, то именно он может и должен переубедить свою супругу, но не крупными разговорами и скандалами, а прежде всего своими делами, поступками. Причем эпизодическое вмешательство мало что изменит. Можно хорошо представить контраргументы Вашей невестки, которая с полным основанием в любой момент может заявить мужу: «Тебе хорошо со стороны рассуждать, а я одна с ними. В школе издегаешься, а тут еще и дома, что ни день — то «подарок!»»

Вашему сыну необходимо самому серьезно заняться воспитанием своих сыновей. Не задерживаться подолгу на работе, пореже ездить в командировки... А если критическая ситуация в семье будет сохраняться, может быть, даже поменять работу. Наладить контакты со своими детьми и только таким способом доказать жене, что она заблуждается. И дети, и жена стоят таких жертв!

Из письма непонятно, каковы проступки мальчиков, за которые их так жестоко наказывает мать. С ними столкнется и Ваш сын, если начнет по-настоящему заниматься воспитанием. Не знаю, какие проступки совершает старший — тут диапазон может быть уже значительным,— но о проступках младшего попробую догадаться на основе личного опыта.

За что же чаще всего наказывают ребенка-школьника? Плохо учится? Двойки и тройки в дневнике. А в чем его вина? Не нарочно же он их получает?! Ума и сообразительности не хватает. Но это от природы, от нас, родителей, по наследству досталось. А может, учитель плохой? И опять нет вины ребенка. Но, может, его лень одолела? А правильно ли мы, родители, прививаем навыки труда (и умственного труда тоже)?.. Перебирать можно долго, но трудно в этом увидеть непосредственную детскую вину.

Но, может, мальчики «плохо ведут себя»? Родители часто прибегают к этой туманной формулировке, жалуясь на своих детей. А за ней может скрываться что угодно: от нежелания мыть посуду до воровства денег из семейного кошелька. Но как за плохим учеником надо искать плохого учителя (не в смысле должности), так и за плохим воспитанником надо искать дурного воспитателя. (Опять-таки в самом широком смысле.) Меня всегда удивляло усердие взрослых, которые, когда ребенок не хочет есть, шлепают его, пытаются заставить сделать это. Порой так и хочется подойти и сказать: «А ежели вас отхлестать по щекам и тут же посадить за обед, приговаривая: «Приятного аппетита!», у вас появится аппетит?!» В любом проступке ребенка есть доля вины взрослого. И в любом случае необходимо вглядываться, разбираться, думать, искать причины и в ребенке, и в его окружении, в том числе и в себе самом.

Прочитав все это, можно подумать, что я ярый противник наказаний вообще. Нет. Но, наказывая ребенка, вслед за первым вопросом «За что?» должны мы ставить и другие вопросы: «Насколько логично?», «Насколько справедливо?», «Насколько понятно детям?».

Вот о чем рассказала одна из матерей на собрании, о котором я уже упоминал. Ее, девятилетнюю, послали за молоком. Возвращаясь из магазина, она решила прокатиться по ледяной дорожке, поскользнулась и опрокинула бидон. Задерганная домашними делами мать с причитаниями отхлестала ее по щекам, а потом опять послала за молоком. И это было непонятно девочке тогда, непонятно и до сих пор: «Зачем надо было бить? Ну оставила бы меня без молока, без каши!» Это было бы куда логичнее, ребенок бы понял и принял разумность и справедливость такого отношения матери к подростку. Недаром говорят: «Оглянись во гневе!» Оглянись, разберись, вспомни свое детство, постарайся понять своего ребенка и не унижай его!

Взаимопонимание между взрослыми и детьми можно установить лишь в постоянном общении и прежде всего в совместных делах. А в них очень важен личный пример взрослого. К сожалению, мы мастера воспитывать прежде всего других, а на себя нечасто оглядываемся. Но когда-нибудь надо начинать и с себя.

Проблема наказания — одна из вечных и одна из сложнейших проблем в педагогике. Как часто в родительских письмах заходит речь о наказаниях! Нет-нет, не физических. (Таких писем, к счастью, становится меньше.) О наказаниях вообще. Происходит это, видимо, потому что мы частенько сталкиваемся с малоэффективностью наших способов воздействия на ребенка. Почему? В этом мне и хотелось разобраться, отвечая на

Письмо третье

...Люди говорят, что у меня хорошие дети. Старшей дочери 21 год, сыну — 19 и младшему 12 лет. Я никогда не наказывала своих ребят. Ругать ругала — я вспыльчивая. Но ругаю не больше минуты. Может, по доброте своей. А может, потому что мера эта, по моему, ни к чему не приведет. Да разве ребенок, наказанный однажды, никогда больше не будет шалить? Разве можно взять с него обещание не баловаться? Возможно, он искренне пообещает, а на завтра сам удивится — как это все у него снова все плохо получилось! Но подумайте: только ли от его желания все зависит? Наши поступки сегодняшние — продолжение вчерашних. У детей то же самое, только это им и в голову не приходит. К сожалению, и нам тоже это порой не приходит в голову; потому и считаем ребят виноватыми, потому и наказываем.

...Ребенок совершил нечаянный проступок, а взрослый, наказывая его, совершает поступок сознательный. Зачем? Я слышала, например, что в Японии детям до пяти лет вообще не говорят слово «нельзя» — считается, что это слово парализует или давит на его личность. Если ребенок шалит, капризничает, его просто отвлекают. Очень верно! Вот, например, я скажу младшему сыну; «Будешь плохо учиться, не поедешь со мной летом в Прибалтику». Сын обещает, но ведь все время он не может об этом думать! И если он кончит шестой класс не только на четыре и пять, разве я не возьму его с собой? Конечно, возьму. Не стану же я сознательно лишать его духовного развития.

В большинстве случаев дети, пойманные на плохом поступке, начинают мучительно жалеть об этом. Вот это мучение и есть, по-моему, совесть. А наказание как раз и освобождает от мучений. Попробуйте не наказывать — ребенок непременно почувствует к вам глубокую благодарность, возможно, раскаяние, пусть даже не осознанное им самим. Это, уверена, удержит его от плохих поступков в будущем.

...Взрослому целый день не везло... окружающие вольно или невольно причинили ему сегодня боль. Он пришел домой раздраженный и увидел, что сын или дочь не выполнили поручения по дому. Неужели же он — совершенно вольно — причинит боль сыну или дочери? Да и вообще, сколько детей на земном шаре — и нет двух одинаковых. Скажем, в угол можно поставить только Петю, а не Вову, и только сегодня, а не завтра. Как поступить в том или ином случае? По-моему, этому никто не научит — ни Макаренко, ни Сухомлинский. Здесь все зависит только от опыта родителей, от интуиции. Она складывается из огромной любви к детям. И надо читать педагогическую литературу, сомневаться, отвергать, соглашаться, искать свою истину. Мать или отец, наказавшие ребенка, считают, что выполнили свой долг. А кому, собственно, они должны? Вроде бы никому. Впрочем, нет, они должны обществу — должны вырастить хорошего человека. Но нередко избитые методы воспитания — поставить в угол, не пустить в кино, бить ремнем (у некоторых он висит прямо на стене) — дают обратный результат. Желание уйти от наказания столь велико, что ребенок начинает хитрить, обманывать... Стена между детьми и родителями растет.

А как же наказание? К чему оно привело?

М. Г о л о б к о в а, г. Караганда

«Кандидат в родители» — почетное звание?

Есть письма, которые вызывают желание спорить, возражать, негодовать по поводу позиции их автора. А есть и такие, что подталкивают твою мысль, заставляют двигаться в том же направлении, развивать и уточнять высказанные соображения. Это письмо относится к таким.

...Он стоит, зажавшись в угол, надувшийся, набычившийся — не дали рисовать красками! Спать надо!— и швыряет подушку на пол. Я выжидаю. Потом медленно начинаю считать до пяти. Одумается. Подойдет, выжмет:

«Я больше не буду...» Поглажу по голове, и он просияет. Начинается новая полоса в его жизни — полоса мирного сосуществования, до нового конфликта с миром взрослых, с выдуманными ими правилами.

Он — это мой лучший друг, мой трехлетний сын. Есть у меня и другой лучший друг — мой старший сын. Правда, с ним шесть лет назад мы не смогли бы так быстро поладить. Может быть, я чему-то научился за это время? Может быть, это старший сын и научил меня считать до пяти?

Родительский вопрос «Наказывать или не наказывать?» (огрубляя: «Бить или не бить?»), наверное, не менее древен, чем гамлетовский. Но скажите: было бы белое без черного? Поощрение без наказания? Успех без неудач? Видимо, одно без другого существовать не может. Вы, уважаемая товарищ Голобкова, уверяете, что 21 год детей не наказывали, и тут же пишете: «Ругать ругала». Но разве выслушивать ругань другого человека, родной матери — не наказание? Или когда говорят сыну: «Будешь плохо учиться, не поедешь со мной летом» — это разве не угроза наказанием?

И тут, видимо, декларация «Не наказывать!» поворачивается в иную плоскость: «Как наказывать и кого?» Безоговорочно согласен, что «в угол можно поставить только Петю, а не Вову, и только сегодня, а не завтра».

Но позволю себе еще один поворот: а кто дал нам право вообще наказывать, пусть даже собственных детей? Государство? Общественность? К счастью, не разделяет она призывов к всевозможным наказаниям, разве что переутомившиеся старушки у подъездов. Обычай? Традиция? Да мало ли у нас традиций (хотя бы битье детей), с которыми мы столетиями боремся?!

По-моему, правом (и обязанностью) наказания (не юридического, а морального) обладает только друг. Только от друзей мы воспринимаем критику, порицание. Ту же критику от людей чужих воспринимаем как обиду, оскорбление, посягательства на права. На кого из учителей чаще всего жалуются школьники? На того, кто их чаще наказывает? Нет. На того, кто их не любит и кого не любят они.

Но тут же встает вопрос: не разрушит ли наказание (в том числе и мое, родительское) дружбу? Правильно ли поймет меня мой трехлетний друг? Дружба родителей и детей (шире: воспитателей и воспитанников) — вот показатель того, как наказывать, насколько правильно наказание в коллективе и микроколлективе, называемом семьей.

И еще: прежде чем решить, «как наказывать», должны мы разобраться, «за что наказывать». Многие часы, а то и несколько дней идут судебные процессы над взрослыми обвиняемыми. Судейская коллегия разбирает и устанавливает «за что» и, только ответив на этот вопрос, выносит решение. Но как же мы, воспитатели, бываем легки на решающее слово и даже руку! Стоит ли торопиться? Наказанный неизбежно жалеет себя, и эта жалость мешает ему осмыслить вину, пережить ее. Но разве такое переживание не первый шаг на пути к самоанализу, на пути к исправлению? Вы правы, уважаемая товарищ Голобкова: «наказание... освобождает от мучений», вернее, подменяет мучения, уводя в сторону от осмысления проступка.

Но за первым шагом должен следовать и второй. Воспитание — процесс взаимный. Предъявляя претензии к воспитанникам, предъявляем ли мы их к себе? Об этом-то и надо повторять себе неустанно. Наказывая ребенка, мы должны наказывать и себя. Если ребенок все чаще видит папу, засыпающего после ужина, все реже видит в маме радушную, хлопочущую, приветливую женщину, а чаще раздраженную, сетующую на неурядицы на работе, на усталость, то, естественно, в такой обстановке не может быть взаимопонимания и уважения к личности друг друга. Нет в малодетной семье и того разновозрастного детского коллектива, когда старшие учились оберегать и, следовательно, любить младших, а младшие тянулись, подражая старшим. Окруженные в отдельных квартирах множеством «музыкальных ящиков» — умеи лишь нажать на кнопку, — наши дети привыкают с пеленок к всевозрастающему сервису техники и к услужливости взрослого мира. На одного маленького ребенка периодически набегает всепрощающая, вседозволяющая волна любви мамы и папы, бабушек и дедушек, тетюшек и дядюшек, каждый визит которых наверняка начнется или закончится ценным подарком. А спустя несколько лет мы начинаем понимать: наш малыш действительно растет эгоистом. И нас бросает в другую крайность — лишить, ограничить, запретить, контролировать, наказывать. Растет бездельником и тунеядцем и учиться не хочет! Даже посуду за собой не вымоет!

Сплошь и рядом обольщаемся мы иллюзией, что умеем разговаривать с детьми. Слова у нас с ними действительно одни, но понятия часто разные. Для нас раздавленный муравей — проявление бессмысленной жестокости, а для ребенка — продолжение познания мира или утверждение своего могущества в нем. И если взрослый может как-то объяснить мотивы своих поступков, то в детстве и даже в отрочестве нам это сделать нелегко. Взросление и заключается в постижении понятий взрослого мира. Множество радиотелескопов направлено к другим галактикам, ждем заманчивых сигналов инопланетян. Но сколько «инопланетян» ходит рядом с нами — инопланетян с планеты Детство — а далеко не все озабочены пониманием их языка.

«Учиться никогда не поздно», — первым мог произнести эти слова человек, который всю жизнь учился, и только потому не опоздал. К сожалению, часто бывает поздно. Поздно, если не подтолкнуть вовремя, не помочь задуматься. Помогают в этом «университеты молодых родителей», создаваемые пока что на общественных началах. Но все ли молодые родители, занятые грудным младенцем, имеют возможность выбраться на занятия такого университета? Не лучше ли начинать в нем занятия на год-два раньше, когда молодые люди, будущие родители, решили вступить в брак? Почему бы именно это время не использовать для подготовки к столь ответственному шагу? «Любовь — не вздохи на скамейке», — учил поэт.

Звание кандидата наук весьма почетно, но не менее почетным должно бы стать звание «кандидат в родители». И этот кандидат имел бы свой минимум. Минимум знаний по медицине, психологии, педагогике. Минимум, который бы сократил число родительских ошибок, порождаемых новыми социальными условиями и личным опытом, основанным на методе проб и ошибок. А родительская интуиция, о которой Вы пишете, от этого нисколько бы не пострадала. Именно в этом возрасте, когда начинаем мы осознавать, что «я — не вершина человеческого мироздания, а лишь звено в цепи поколений», именно в этом возрасте, когда не совсем забыто собственное детство и с трепетом ожидается взрослость, знания родительского минимума будут актуальны, воспринимаемы, будет более понятен лепет будущих младенцев.

Да, с трепетом ожидаем мы появления нового члена семьи, который и делает семью по-настоящему семьей, готовимся к его появлению. Достаем и читаем Спока, бегаем по магазинам, покупаем впрок пеленки и подгузнички, слюнявчики и погремушки, ванночки и коляски... И мечтаем. Мечтаем, чтобы ребенок рос умным, добрым, внимательным и послушным... И даже потом, хватаясь за ремень или ставя его в угол, мы действуем во имя осуществления нашей мечты, нашего идеала...

Стремление к послушанию детей — вполне понятное стремление. Послушный ребенок удобен, им легче управлять. Особенно важно это в детском саду и в школе. Да и в домашней обстановке с послушными проще, а уж на людях тем более: все видят — воспитанный ребенок.

Но так ли это? Довольно часто в письмах родителей, вольно или невольно, поднимается этот вопрос.

Послушный ребенок — радость или беда?

Конец полугодия. Педсовет обсуждает отметки выпускников по поведению. Классная руководительница характеризует Марину Новикову. «Тихая, скромная, послушная... Что ни попросишь — все сделает». И все? В чем же примерность семнадцатилетней Марины? Лишь в том, что умеет молчать и безропотно выполнять указания?

Такой идеал воспитанника — не редкость и среди родителей. С первых лет мы говорим ребенку: «Будь умницей, слушайся бабушку!» И очень бываем недовольны, когда наш трехлетний сын бабушку не слушался, буянил, бунтовал. Почему? Очень хотелось «стричь бумажку», а бабушка, естественно, тут же отняла ножницы: глаз еще выколет! Мы понимаем бабушку: здоровье прежде всего. Но замечаем ли при этом, что здесь было совершено покушение на проявление инициативы, на жажду деятельности, на зарождающуюся самостоятельность? А потом, спустя несколько лет, не будем ли мы сетовать на отсутствие этих важных качеств в нашем ребенке?

Сколько таких мелких конфликтов в нашей повседневной жизни. И как часто гасим мы их с позиции силы во имя порядка, дисциплины, послушания, во имя воспитанности наших детей. А в конечном счете? Не ради ли собственного спокойствия?

Едва маленький человечек появляется на свет, он подчиняется не только внутренним биоритмам, но и распорядку семьи, а потом детского сада, школы. И по-другому быть не может. Плохо придется тому первокласснику, которого дома не приучили высидеть 45 минут урока, — он сразу же попадает в разряд «неслухов».

Когда учитель приходит в новый класс, первейшая его задача — добиться дисциплины, послушания, сделать класс и каждого ученика управляемым. Это очень важно. (Нет, не воспитанным, а управляемым.) Но нередко мы (не только учителя) ставим на этом точку, забывая, что от послушания внешнего до внутренней убежденности дистанция огромная и далеко не всегда преодолеваемая. Каждый педагог знает по собственному опыту, что есть дети, умеющие создавать видимость тишины, чреватой на самом деле многими последствиями.

Вспомнился мне тихий Алеша Котов, который перебирался из класса в класс сквозь груды текущих двоек и осенние переэкзаменовки. Когда я принял новый шестой класс, я вошел в него с намерением сделать из этого Алеши человека. Для начала потребовал, чтобы с последней парты, где он привычно очень тихонечко шептался с дружкой, не доставая даже тетради из портфеля, пересел на первую. Но ведь надо было еще заставить его слушать, читать учебник или хотя бы открыть его. Вероятно, я так надоел мальчишке, что он сделал и это. Однако на следующем уроке все началось сначала. Но я добился повторения процедуры.

Наверное, так шло бы до бесконечности, если бы в какой-то момент я не одернул сам себя. Я оставил Котова в покое на облюбованной им «Камчатке». Стремился сделать мои уроки интереснее, разнообразнее, увлечь ребят решением проблемных задач. На переменах то с одним, то с другим, в том числе и с Котовым, заводил разговор и «не по делу», придумывал игры.

Отношения с классом вроде бы налаживались, только Алеша по-прежнему дремал на задней парте. И тут конец полугодия. Эпидемия гриппа выкосила почти половину класса. Свободных мест много. Между прочим, прошу ребят сесть поближе, так удобнее. И вижу невероятное: мой Леша пересел на вторую парту. Когда я поставил очередной вопрос, среди леса рук он поднял свою. Спрашиваю — отвечает. Не очень удачно, но все же впервые за полгода высказывает свою мысль по теме урока. Перед звонком, как бы вскользь, бросаю: «Слушай, если на следующем уроке будешь работать так же, поставлю четыре». И на следующем уроке парень действительно тянул руку, отвечал и был соответственно награжден. Это был праздник. Праздник послушания. И для меня, и для Котова.

Сейчас, анализируя эту историю, я понимаю: мне удалось исподволь убедить уставшего от двоек и замечаний мальчишку, что я не враг ему. Это важно. Но еще важнее, что удалось создать в классе заразительную рабочую обстановку, приносящую радость открытий. Создать атмосферу, в которой ребята подчиняются учителю не потому, что так принято, так заведено, а потому, что они понимают разумность и обоснованность его требований. А это уже важный шаг к утверждению в их глазах самого воспитателя, его авторитета.

Авторитет — штука тонкая, он не дается с дипломом учителя, со званием матери или отца. Его надо заслужить, постоянно убеждая ребенка в своей правоте. Зато потом авторитет позволяет нам избегать постоянных убеждений, прибегать к менее трудоемкому приему — внушению. Но и действовать только в силу авторитета, без оглядки нельзя. Иначе после нескольких промахов он пошатнется. А восстановить авторитет сложнее, чем его заработать, как сложнее переубедить, чем убедить.

И еще об одном верном способе, каким достигается послушание, или, скажем по-другому, нормальное управление ребенком, его поведением,— о традициях, об укладе семьи. Как-то я спросил мать одной прекрасной девочки (закончившей потом школу с золотой медалью):

«Как вам удается все успевать — трое детей, учительницей работаете, а ребята у вас послушные, внимательные, отзывчивые, один другого лучше?» «Режим,— был ее ответ,— режим и только режим. Приучила с малых лет к распорядку и горя не знала». Но что же такое режим, как не традиция? Традиция складывается, конечно, постепенно, требует немалых усилий, пока идет процесс ее внедрения в семейный быт. Но потом она сама действует исподволь, без всякого нажима, как отменный воспитатель.

Да, дисциплинированность» послушание детей — безусловно, важный элемент воспитания. Однако необходимо помнить, что этот элемент не цель, а только средство. Вот почему нам, воспитателям, надо всякий раз спрашивать себя: зачем нам требуется детское послушание? Для нашего личного удобства или для того, чтобы самому ребенку облегчить нормальное сосуществование с другими людьми? И еще немаловажно — цена, какой достигается послушание. Не подавляем ли мы, добиваясь его, энергию, благородные устремления, не обезличиваем ли мы ребенка, не приучаем ли к лицемерию? Страшно слепое послушание.

Меня тревожат беспрекословно послушные дети, потому что ожидаю их превращение в беспрекословно послушных взрослых. Очень тихих, очень исполнительных и вовсе лишенных готовности проявить инициативу, отстаивать свои убеждения, вступаться за правого, разоблачать виноватого, увлечься...

Вот и выходит, приучая детей к послушанию, должны мы вырастить непослушных.

Но и в непослушании, и в его празднике тоже есть две стороны. Иной прогуливает уроки, не подчиняясь требованию директора школы постричься или сменить модные джинсы на обычные школьные брюки, полагая, что таким способом он отстаивает достоинство своей личности. Жаль его, не понимает он, что в личности главное. Но есть поступки иного рода.

Как-то, выступая по телевидению, космонавт А. А. Леонов рассказал о своем школьном проступке, а вернее поступке. В девятом классе, где он учился, был введен новый предмет — стенография. Юноша пришел к выводу, что кропотливое изучение этого предмета принесет ему не очень много пользы. Уроки стенографии пропускал. Но, более того, пошел к директору школы, убедил, настоял, добился, чтобы ему разрешили не посещать эти уроки, а освободившееся время посвятил физике, глубокое знание которой считал для себя более важным.

Такое «непослушание» — высшая форма послушания, проявление внутренних убеждений самостоятельной личности, формирующейся взрослости.

Не начальниками и командирами, а советчиками и помощниками должны мы быть для своих детей, и тогда нас будут ждать подлинно праздники послушания и непослушания, одинаково радостные и для нас, и для наших воспитанников.

И как бы в подтверждение того, что не всякое послушание — праздник, что «в тихом омуте черти водятся», еще одно письмо.

Письмо четвертое

Решил обратиться к Вам после одного неблагоприятного поступка моей дочери.

Она учится в четвертом классе. Учится хорошо, на четверки и пятерки, посещает музыкальную школу, в школе ее уважают. Она член совета отряда. Но вот недавно она тайком от семьи стащила двадцать рублей, которые мы отложили для поездки в отпуск. И на все деньги купила билеты лотереи «Спринт».

Не знаем, откуда такое корыстолюбие взялось у нашей дочери. Мы с женой работаем на лакокрасочном заводе, честно зарабатываем деньги, имеем хорошую кооперативную квартиру. Никогда в нашей семье не велось особых разговоров о деньгах, мы их не копили, но и дочери ни в чем не отказывали.

Я, моя жена и многие другие родители возмущаемся тем, что детям продают «Спринт». Это приводит к развитию у них корысти и нездорового азарта. Поэтому предлагаю: запретить! И еще раз запретить продажу билетов лотереи «Спринт» несовершеннолетним! Ведь не продают же у нас табачные и водочные изделия детям?!

С уважением Н. Буринович, г. Минск

«Спринт» или забег на бесконечную дистанцию!

Прочитав Ваше письмо, сразу же задаешься вопросами: почему я зачем дети тянутся к деньгам? Они не раз вставали передо мной. Для себя я нашел некоторые ответы, потому и беру на себя смелость ответить на Ваше письмо.

С ранних лет ребенок тянется не только к игрушке, но и к портфелю старшего брата, маминым украшениям, к записной книжке отца. Двухлетний сынишка, зажав карандаш между указательным и безымянным пальцами, может ошарашить бабушку заявлением: «Я кулю!» А я,— выслушивая сетования бабушки, еще раз вспоминаю, что дети — и в самом деле продолжение хорошего и дурного в нас. Это касается и отношения к деньгам. И если говорить об отношении к ним детей, то, наверное, необходимо одновременно говорить и об отношении к ним взрослых. Этого требует диалектика воспитания.

В семье наших хороших знакомых мать стремилась в присутствии восьмилетнего сына вообще не заводить речь о деньгах. Отец, напротив, полагал, что сын должен представлять себе, как говорится, „что почем. Опаздывают в кино. Отец поторапливает: «Билеты пропадут!» — «Подумаешь, рубль двадцать». — «Между прочим, этот рубль двадцать надо заработать»,— напоминает отец. Матери это не, нравится: «Почему ты все переводишь на деньги?! Не в деньгах счастье!» — «Не в деньгах. Но продукты меряют на килограммы, рубашки на штуки, а повседневный труд измеряют деньгами, деньги — трудом. И ничего лучше люди пока не придумали!»

К сожалению, мерило это не всегда одинаково. Недавно я в этом лишний раз убедился. В нашей семье отмечалась торжественная дата. Прийти без цветов — разрушить праздник. Но пришлось задержаться на работе, и когда я добрался до рынка, там остался всего один букет «городской мимозы». Продавал его молодой парень. Я спросил: «Сколько?» Парень ответил. Я не мог уйти без цветов. Но и отдать запрашиваемую сумму за цветы, которые растут по обочинам пустырей, мне показалось нелепым. Я сказал об этом парню, продавец сбавил тридцать копеек, попрекнув меня мелочностью. А я, между прочим, на тридцать копеек сдачи купил хлеба для семьи на целый день. Так вот, у нас с этим продавцом разное мерило труда и денег.

Возможно, и в Вашей семье произошло то же самое. Вы знаете, что стоит за рублем, а Ваша дочь этого еще не постигла. Объяснить ей это Вы не сумели. Вы заработали «хорошую кооперативную квартиру», а для Вашей дочери эта квартира — явление само собой разумеющееся. Она, может быть, и родилась в ней. Вы в свое время, вероятно, мечтали о занятиях музыкой, а дочка просто ходит через день в музыкальную школу.

К сожалению, быт наших детей практически не дает им возможности понять, почувствовать на себе, через себя, что стоит за рублем. Они собирают металлолом и макулатуру (и Ваша дочь-общественница тоже), но спросите их, сколько в рубле килограммов макулатуры, и они Вам не ответят. Я спрашивал. А где еще школьникам, особенно городским, познать стоимость заработанного рубля? Ну, поедут они, уже став старшеклассниками, в лагерь труда и отдыха. И то не все. Но и там познают ли? Деньги-то, как правило, перечисляются в фонд школы, во многом абстрактный для них.

Я сам понял стоимость рубля только в семнадцать лет, съездив на север Тюменской области в геофизическую экспедицию, пробуриив восемнадцать скважин и накормив всех комаров Заполярья. Думаю, что понял намного позднее, чем надо бы.

Но есть и другая беда, которая состоит в том, что подчас мы с вами путаем причины и следствия тех или иных поступков наших детей. Вы пишете, что продажа детям билетов лотереи «Спринт» «приводит к развитию у них корысти и нездорового азарта». Но Вашу дочь побуждал не «Спринт», хотя и он оказал влияние, а жажда денег, жажда наживы через лотерею. И выбрала она путь наиболее легкий, наиболее известный ей. (Реклама «Спринта» в отличие от рекламы использования труда подростков поставлена намного лучше.)

Поверьте, я не хочу сказать, что в Вашей семье господствует жажда наживы, но посмотрите вокруг, присмотритесь к окружению дочери.

Все мы замечаем, что за последнее время наше благосостояние существенно возросло, чему можно только радоваться. Однако есть у этого явления и свои издержки. Сколько семей стремится во что бы то ни стало забить квартиру коврами, хрусталем, дорогими безделушками! Погоне за престижными вещами порой посвящается все свободное время. А дети хотят, очень хотят походить на взрослых, и им хочется играть во взрослые игрушки.

Как-то я обратился к ребятам с просьбой принести на урок магнитофон. «А вам какой?»— посыпались вопросы. И выяснилось; во многих семьях не только по два, но и по три (!) магнитофона, причем новейших марок. Да, старшему поколению многого не хватало, многого не досталось. И родители стараются как бы наверстать упущенное, чтобы у их детей было не просто все, что у других,— желательнее лучше, чем у других. Наивно полагать, что стремления такого рода не могут пройти бесследно для тех, на кого они направлены. На моих глазах иные из моих учеников, нормальные, в общем-то ребята, превращаются в оголтелых потребителей. Вещевая мишура смещает акценты в душе ребенка.

Сын-первоклассник приходит из школы расстроенный: «Вы мне учебники в крафт-бумагу обернули, а ребята смеются: из-под картошки!» И пришлось терпеливо объяснять ему, что главное — сохранить учебник для того, чтобы по нему могли учиться другие, и раз отец с матерью не могут найти дефицитных обложек, придется обойтись бумагой — хорошей, плотной.

Найти силы для противостояния вещевой мишуре должны в первую очередь мы, родители.

Как-то одна старушка в очереди за тюлем сетовала: вот раньше-то жили за марлевыми занавесками. Накрахмалишь, подсинишь их — и хорошо. И квартиры-то были коммунальные, где радости и беды — все с людьми. И люди росли жалостливые. А сейчас и доброта-то стала какая-то вещевая. К внуку без подарка и заявляться боязно. «Войдешь, еще раздеться не успеешь, поздороваться, а он тебя уже спрашивает: «Ты что мне купила?!»

Конечно, старушке уже трудно объяснить, что она сама приучает внука к «вещевой доброте» в виде непрременных гостинцев. Но где же родители этого внука?

Вы не пишете, на что собиралась Ваша дочь потратить выигранные деньги. Но воспитали ли Вы в ней противостояние бесконечной жажде вещей? Сумели показать ей, что мир состоит не только из вещей, которые нужно постоянно покупать, покупать на деньги?

А теперь о Вашем выводе: «Запретить! И еще раз запретить продажу билетов лотереи «Спринт» несовершеннолетним! Не продают же у нас табачные и водочные изделия детям!» Согласен. Запретить можно и нужно. Но запретим ли? За день до того, как мне передали Ваше письмо, у табачного ларька я увидел выпускника нашей школы, который, купив пачку сигарет, передал ее одному нашему трудновоспитуемому из третьего класса. Я окликнул их. Третьеклассник сразу же убежал. А выпускник, опустив голову, спокойно выслушал мою отповедь. И, обронив, что он больше не будет, пошел своей дорогой. Думаю, комментарий излишен.

Запрещать нужно другое. Запретить бы формировать однобокие души потребителей! (Если это возможно.) Запретить бы «вещевую доброту»! И тогда, если даже ребенок потянется к деньгам, желая почувствовать себя взрослым, тут не будет уродующей жажды наживы.

Позволю себе привести еще один эпизод из жизни наших знакомых. Восемилетний сын тоже стащил деньги — пять рублей — деньги для этой семьи немалые. Родители не без гордости рассказывали, как они долго отчитывали сына за самовольство, обман, кражу, но при этом радовались в душе. Дело в том, что на эти деньги мальчик купил браслет для часов отца (ремешок часов сильно потрепался, и отец давно собирался купить новый) и авторучку для матери. Из оставшихся сорока копеек двадцать потратил на себя — купил мороженое. Какие чувства толкнули его на это «преступление»? Конечно же, не только желание полакомиться мороженым. Ему хотелось почувствовать силу денег и свою силу самостоятельного человека. Но вместе с тем проявилась и его доброта, которая уже была заложена в нем, стремление думать не только о себе. Наверное, он тоже мог бы купить и «Спринт», но это не был бы забег на бесконечную дистанцию эгоизма и потребительства.

Проблема «дети и деньги, дети и вещи» приобретает все большую остроту. Как ни парадоксально это звучит, а воспитывать ребенка в условиях нужды и нехваток в чем-то было проще, чем в условиях благополучия. И нам еще предстоит серьезно осмыслить возникшие педагогические трудности, чтобы преодолеть их, ни на шаг не отступив от наших представлений о том, чтобы и в школе и в семье рос человек щедрый, великодушный, не расточительный, но и не жадный, знающий цену вещам, умеющим ценить человеческий труд, вложенный в них.

Письмо пятое

Живу я в маленькой деревне, в школу ходил с четвертого класса за три километра. Надзора родителей нет, самостоятельность в двенадцать лет. Появились сигареты, закуривал. Школа находилась на железнодорожной станции. Мы всегда лазили под вагоны. И бросить камень в окно проходящей электрички ничего не стоило. Конечно, страшно, но ведь я герой перед другими. Ни о каких последствиях я не думал, просто удирал и все... В школе беседы с нами проводили, уговаривали, наказывали — бесполезно...

И вот мне двадцать три года. Я женат, у меня полгода назад родился сын. И я встал перед проблемой, не готов ведь я к его воспитанию. Что сделать мне для того, чтобы он не был таким, каким я был раньше⁷

Пишете вы, что виноваты мы, родители, что надо лучше воспитывать. Но как? Что конкретно делать, как воздействовать на детей? Я знаю, как воздействовали на меня. Но ведь этот метод показал себя через годы, а сразу я не мог осознать своей неправоты. Пишете, что в каждый предмет человек вложил свой труд, свою душу... А если отец, делавший этот предмет, хотел лишь зарплату получить побольше и об этом же говорит дома при ребенке?

Вот я и спрашиваю: как же сделать так, чтобы ребенок понял сразу, что можно, а что нельзя делать, что хорошо, что плохо? Ведь не хочется, чтобы мой ребенок вырос нахальным шофером автобуса, грубым продавцом... Да и сколько горя принесут эти мальчишки и девочки до того, как вырастут, как поймут...

Виктор Овчаренко, дер. Новоивантеевка, Харьковская обл.

Зерна совести

Уважаемый Виктор! Приятно было прочитать Ваше письмо, радостно попытаться ответить на вопросы человека, почувствовавшего ответственность не только за свои поступки. И хотя Вы выросли в деревне, а я в городе, думается, мы поймем друг друга.

В конечном счете Вы спрашиваете, как разбудить тот внутренний голос, который остановит мальчишку, бросающего камень в окно проходящего поезда, вытаптывающего грядки на чужом огороде. Как воспитать то, что мы называем совестью?

Совесть. Мы часто употребляем это слово. Задаем риторический вопрос о ее наличии гражданке, пытающейся проскочить без очереди, или развалившемуся в кресле автобуса молодому парню, упорно не замечающему стоящей рядом пожилой женщины. Но над тем, что такое совесть, задумываемся редко: уж больно расхожее слово.

Ночной троллейбус. Четко произнеся: «Проездной», можно проехать и без билета. Но что-то заставляет подойти к кассе и купить билет, будучи абсолютно уверенным, что контролера не будет. Это «что-то», наверное, и есть голос совести.

Совесть — разность между тем поведением, каким оно должно быть в представлении человека, и тем, какое оно есть на самом деле. И потому голос совести звучит лишь тогда, когда человек ощутит эту разность. Потому-то очень часто бывают бесполезными обращения к совести распоясавшихся молодцов, ревущих песни в притихшем ночном дворе. Нет, у них не сформировалось представление о поведении, соответствующем взглядам нашего общества, и очень низок их идеал. Но навязать идеал в одну минуту — резким замечанием или мягоньким пожеланием — невозможно. Идеал человеческий, а вместе с ним и совесть растет и шлифуется годами вместе с человеком, (Имею в виду рост внутренний, духовный, а не внешний.) По наличию высоких идеалов мы и судим в конце концов о гражданской совести человека.

Но для того, чтобы не орать песен по ночам и не расписывать стен подъезда, не обязательно обладать Совестью (с большой буквы), достаточно и простой житейской совестливости. О ней и пойдет разговор.

Вы со свойственным молодости максимализмом спрашиваете: «Как же сделать так, чтобы ребенок понял сразу, что можно, а что нельзя делать?» Но сразу ничего не создается. И долго не понимает ребенок, что такое хорошо, а что такое плохо, даже если с выражением читает наизусть известное стихотворение В. Маяковского. Долго... Но уже трех-четырёхлетний карапуз, играя в песочек, прекрасно понимает, что сыпать его в глаза не только себе, но и другим нельзя.

Нельзя. Табу. Еще с первобытных времен человеческое общество самосохранялось определенными запретами. И нарушение какого-либо из них грозило не только, как они считали, карой богов и общественным осуждением, но и создавало внутреннее неудобство для самого нарушителя, ибо соблюдение правила было привычкой. Ощущаем же мы невымытые руки перед едой и отправляемся в ванную, даже не вспомнив надпись на плакате: «Грязные руки — источник инфекционных заболеваний!» Видимо, как и зерна гигиены можно и нужно сеять и растить путем долгой и постоянной тренировки зерна совести.

Но на одних «нельзя» взрослых невозможно построить воспитание. Бесконечные запреты будут вызывать протесты растущей личности или вынудят создавать себе личину, подстраиваться, приспособливаться лишь внешне. Необходимо, чтобы запреты стали внутренней убежденностью ребенка. До сих пор с улыбкой и горечью вспоминаю первое собственное «нельзя» своего сына. «УТЮГ горячий. Нельзя трогать!» Этот вывод он повторял как заклинание, когда ему не было и двух лет. Повторял, потому что попробовал тронуть, хоть перед этим ему десятки раз объясняли то же самое. Только внутреннее «нельзя» оказывается прочным.

«Но нельзя же так жестоко учить детей запретам!» — возразите Вы. Согласен. К счастью, дети такой великий народ, который не только попадает в ситуации, но и сам создает их.

Игра. Она входит в жизнь ребенка с первых полусознанных движений. Без нее немислимо детство. Через игру ребенка можно не только научить читать и считать, закалить не только физически, но и нравственно. Ибо для ребенка игра — не развлечение, а сама жизнь. Но всегда ли игры наших детей учат их тому, к чему мы стремимся?

Школа. Перемена. Бесконечная возня мальчишек-девчонок от первого класса до восьмого и даже учеников постарше. Да, им жизненно необходима высокая двигательная активность, которую не загнать в вождение по кругу. Но бегодня, толчки, висение друг на друге переходят в зуботычины. Подойдешь к одной из групп, спросишь: «Что вы делаете?» И слышишь почти всегда один и тот же ответ: «Мы играем!» Но и у меня заготовлены контрвопросы: «Как называется ваша игра? Каковы ее правила?» Удивленное молчание. Кажется, им и невдомек, что у их игры должны быть правила.

Приучаем ли мы своих детей с самых ранних лет ненавязчиво, но постоянно к игре по правилам? Несут ли современные игры, в которые так любят играть наши дети, кодекс чести, радость умения поступать по справедливости?

Футбол во дворе чаще всего без аутов и офсайдов. Редко услышишь от мальчишек: «Стоп!» Не по правилам!» Все больше забываются в наших дворах такие игры, как казаки-разбойники, лапта, чижик, штандар. Игры, где прежде всего надо научиться строго соблюдать правила, где отступление на миллиметр вызывает вопль всеобщего возмущения. Вытесняет их «войнушка», у которой, как и у настоящей войны, мало правил, а больше грубой силы, хитрости, изворотливости.

Спортивные правила не существуют сами по себе, они вольно, а чаще невольно переносятся в жизнь, влияют на формирование характеров. «Когда ты играешь долго, когда постоянно общаешься с людьми— становишься добрее, благороднее. И недостатки в характере исчезают как-то сами собой» — так оценил роль спортивных игр в интервью, данному газете «Советская культура», лучший баскетболист чемпионата Европы Валдис Валтерс.

Всегда ли мы, взрослые, помним об этом?

Туристский слет. Пятиклассники соревнуются в установке палатки. Одна за другой подходят команды во главе с учителем. Но вот один из учителей вместо команды из четырех человек выставил шесть и, пошептавшись с судьей, убедил его в своей правоте. Когда же секундомер был пущен, в соревнование включились не только ребята, но и учитель: сначала подсказывал шепотом, потом громче, под конец сам бросился втыкать колья. Не прошло и минуты — палатка была установлена! Победа. Но в чем? Что она принесла этим пятиклассникам, не только спортсменам, но и людям? Вольно или невольно, этот педагог в паре с судьей внушил своим воспитанникам (да и всем окружающим), что ради победы можно пренебречь нормами этики и не только спортивной.

Но вот уже не игра, не соревнование, хотя правила присутствуют и здесь,— выпускные экзамены в школе.

Ни для кого не секрет, что это экзамены не только для учеников, но и для учителей. По итогам экзамена еще долго будут судить о работе учителя. И каждому учителю хочется, чтобы сдали получше. Вновь желание начинает бороться с правилами, с принципами. И можно же «не заметить» перешептываний, шпаргалок, можно даже напомнить, как решаются задачи такого типа, но... Помнится, как накануне экзамена к учительнице подошел, игриво улыбаясь, один из не очень успевающих учеников и спросил, как бы шутя: «А вы на экзамене подсказывать будете?» «Ты же знаешь, я люблю объяснять и даже подсказывать, но сегодня я сдаю экзамен вместе с вами, так что надейся только на себя». Это был ответ-урок. Но всегда ли мы, взрослые, помним о таких уроках, помним о необходимости соблюдать элементарные житейские правила?

Да, наша жизнь многолика, многообразна. Не всегда можно дать однозначный ответ. Но вместе с тем мы повседневно сталкиваемся и с такими вопросами, которые жестко требуют однозначного ответа, определяемого уважением к людям вообще. Наш сосед, будучи совсем пожилым человеком, любил с гордостью вспоминать, как он мальчонкой в голодные двадцатые годы нашел на улице туго набитый кошелек и, сияющий от счастья, принес его матери, растившей трех малолетних детей без отца. Но она вместо того, чтобы обрадоваться, вздохнула и сказала твердо: «Пойди, сынок, положи его туда, где взял. Это чужое».

Мы очень часто, а вслед за нами и дети, употребляем понятия «мое», «наше» и гораздо реже — «чужое». Часто ли вспоминаем мы с сыном или дочерью, что их бесплатные учебники не только общественные, но и чужие? Часто ли вспоминают наши дети, что парта, за которой они сидят,— чужая, как чужой, а не только наш газон перед домом, по которому, как известно, ходить нельзя. Таковы правила.

Не с игр ли по строгим правилам должны мы начинать правовое и нравственное воспитание и в семье, и во дворе, и в школе? Ибо именно эти правила не абстрактные, не навязанные взрослым миром, а конкретные живут еще и будут жить в мире детства. Я пробовал играть в такие игры с детьми. Они нравятся. Но без взрослого, без его судейского авторитета они быстро затухают. Потому-то так желательно появление родителей во дворах не только во время субботников, но и для того, чтобы просто поиграть с детьми, выступить в роли арбитра последней инстанции. Именно в играх по строгим правилам вырабатывается основа идеального поведения каждого: умение подчинять свои желания общим интересам. И одновременно на основе стремления к соблюдению правил всеми участниками формируется общественное мнение играющих ребят: формируются понятия «честно» — «нечестно», «правильно» — «неправильно», «справедливо» — «несправедливо». А подобные оценки и лежат в основе совестливого поведения,

Но мало научить видеть недостатки других, необходимо помочь ребенку выработать умение смотреть на себя со стороны.

«С совестью надо научиться разговаривать,— любила повторять моя учительница литературы. — Прежде чем уснуть, вспомни, что хорошего ты сделал за день, вспомни и то, о чем вспоминать не хотелось бы!» Учим ли мы ребенка вспоминать, взвешивать, анализировать прожитый день? Выработываем ли у него такую привычку?

Только сея добрые привычки, становящиеся незаметными и незаменимыми правилами бытия, мы сможем пожинать и добрые характеры. И сеять их необходимо с первых шагов ребенка, ненавязчиво, играючи, помня, что он не только цветок, но и садовник. И может быть, тогда брошенный в окно проходящего поезда камень не станет камнем героя, а встретит пусть молчаливое, но осуждение сверстников. Осуждение, если многие из наших мальчишек инстинктивно, кожей будут чувствовать: «Негоже! Посягнул на чужое, игра не по правилам».

Ответ был уже написан, когда я показал вышеприведенное письмо моему старому приятелю. Возвращая его, он невозмутимо обронил:

— Мой Сережка в электричку камней бросать не будет. И не только потому, что рядом нет железнодорожной станции...

Меня несколько резанула категоричность его ответа, но он продолжил:

— Знаешь, что Сережка сегодня притащил? Старые лыжи. Старые, но годные. Выбросил кто-то. Из одних он уже смастерил себе снежные самки и эти на что-нибудь приспособит... Мы никогда над этим специально не задумывались, но привилось ему уважение к вещам. Понимает он, что в каждой из них труд человеческий, и не важно с душой или ради заработка, все равно — труд. Труд, который просто так выбрасывать, а тем более губить нельзя. Может быть, это мы с женой из нашего послевоенного детства до него донесли? Гуляем с ним, то пуговицу на обочине подберешь, то брошенную доску: жалко, зачем добру пропадать... Или, скажем, опять при нем закатил скандал грузчику из соседнего магазина — жег ящики из-под апельсинов. Опять же нечаянно, глядеть больно было. И он так же. Макулатуру в школе собирают. Детишки тащат, что попало — план перевыполняют. А Сережка учебник прошлогодний вытащит, книжки детские, любые... Поругается с товарищами, но в школьную библиотеку их все-таки сдаст.

— Но твоему Сереже только десять, посмотрим, что ты скажешь, когда ему будет лет двенадцать-четырнадцать! — пробовал возражать я, но чувствовал, что в его словах есть элемент истины, через отношение к труду, к книгам проступала личность — человек, живущий среди людей, думающий о других.

Отношение детей к труду... Все чаще и чаще мы, учителя, сталкиваемся с тем, как неохотно принимаются мальчики и даже девочки за повседневный физический труд, такой как, скажем, уборка класса. К сожалению, и ребятам лет двенадцати приходится терпеливо объяснять, как правильно отжать тряпку над ведром, как надеть ее на швабру, как можно хорошо и быстро вымыть пол, стены, вытереть классную доску... Когда спросишь: «А ты дома пол моешь?» — Чаще всего слышишь ответ: «Не... У нас дома пылесос».

Но только ли лакированные полы и пылесосы причина нежелания и неумения наших детей выполнять простую, порой примитивную, физическую работу? Не совершаем ли мы сами, воспитатели, прежде всего родители, педагогических ошибок в организации детского труда?

Письмо шестое

...Я уже восемь лет председатель классного родительского комитета. У родителей нашего класса возник один вопрос:

предусмотрены ли Уставом средней школы или какими-либо другими документами взыскания (наказания) ученикам, которые по неуважительным причинам не поехали в лагерь труда и отдыха? Вот как дело обстояло в нашем классе: из 29 человек поехало только 13. Уважительные причины лишь у четверых. А остальные? Их просто не «устраивает» работа в поле.

Особенно нечестно и даже, как нам кажется, предательски поступили два ученика; пришли на сбор накануне отъезда, ничего не сказали о своем намерении не ехать, а в день отъезда один совсем не пришел, а другой явился в качестве провожатого и еще подсмеивался над теми, кто собирался в колхоз...

Один из этих двоих претендует на золотую медаль. Заслуживает ли он ее, если его интересует только свое благополучие, а общественные интересы он игнорирует?

Второй мальчик не поехал ради тренировок в секции биатлона. Мой сын тоже занимается в этой секции. Но мы с мужем настояли, чтобы он поехал с классом в лагерь труда и отдыха. Правы ли мы? Может, ему тоже лучше было ходить на тренировки в секцию, а не мотыжить в поле на солнце свеклу и капусту?..

Н. Васильева, г. Уфа

Наказание одиночеством

Начну я, уважаемая товарищ Васильева, простите, издалека. Восемь лет назад я начал работать в школе-новостройке. Приближались каникулы. Мои друзья-археологи и я решили поехать с десятиклассниками в экспедицию. Представляете?! На раскопки! За 350 верст от Москвы! В Брянскую область! Без родителей! Без их постоянной опеки! И заработать первые деньги! Для себя, для семьи (оправдать стоимость тридцатирублевой поездки) и для своей новой школы, в которой еще и не все гвозди были вбиты. Романтика!

Сразу же записалось 32 человека. А по смете института археологии нужно только 18. Что делать? Надо кого-то вычеркнуть! Как это сделать? Друзья успокоили: «Подожди. Сейчас февраль, а поедете-то в августе...» В августе поехали 17 человек. Причем пришлось взять двоих из восьмого класса, а одного — из седьмого, так как десятиклассников не хватило. Сначала отказался один, потом — еще двое, и пошло-поехало: «Друг не едет, и я тоже...» «Родители не пускают: вместе, говорят, отдыхать будем». Причины и предлогов нашлось много. Я особенно не расстраивался: на поездку же был конкурс! Но и с конкурсом, как видите, я чуть не погорел. А ведь это археология, а не капуста в поле! Хоть и копали по пять-шесть часов, но где-то рядом и романтика ходила...

Я не знаю, как именно комплектовался лагерь в школе, о которой идет речь, но, судя по письму, ехать в лагерь с самого начала особого желания у ребят не было. Видимо, собирались они туда не по своей воле. И наверное, комплектовался этот лагерь, как это часто, к сожалению, в школах бывает, не по принципу «кто хочет?», а «должен, и все тут!». Или, как иногда говорят, «добровольно-принудительно». Вот в этом, по моему, первая ошибка, и первая причина неудачи. Взрослые, видимо, пытались навязать свою волю, и поэтому радовались больше всех те ребята, кто сумел противостоять этой золе, отстоять свою независимость. И может быть, от этого было еще обиднее отъезжающим.

Изучая в университете марксизма-ленинизма вопросы управления и руководства кадрами, мы как-то отвечали на вопрос: «Чем отличается управление от воспитания?» Руководителю семинара пришлось терпеливо нам разъяснять, что воспитание — это формирование определенных взглядов и убеждений, а управление — это приведение поведения человека любыми методами в соответствие с принятой нормой. Управлять проще, чем воспитывать, но плох тот руководитель, который уповает только на силу управления.

И тут я с ужасом обнаружил, что мы, педагоги, довольно часто занимаемся управлением, а не воспитанием...

Вспоминаю субботники в школе. Как вели себя перед субботниками классные руководители? Иногда они заходили на мой урок «напомнить» о том, что завтра субботник и, если кто не явится, к тому будут приняты «определенные меры», вызовут родителей и т. п. И дети являлись почти всем классом. Лишних неприятностей никто не хочет, даже школьник. Работали ребята из-под палки, но классный руководитель мог подать победный рапорт; явилось 30 из 32! И все довольны. А что дало это в деле воспитания, об этом подчас и не думали. И я поступал точно так же. Но в моем шестом приходило человек 15. Может, уже тогда шестиклассники вызнали мою слабинку: знали, что родителям жаловаться не буду и «определенных мер» не приму?

В седьмом классе я перед субботником произнес речь: «Нам поручено убрать школьный стадион, на котором вам же предстоит заниматься физкультурой. Вся страна готовится торжественно встретить майские праздники. И первый праздник — праздник труда — субботник. Напоминаю: субботник подразумевает труд по-коммунистически, то есть труд добровольный и бескорыстный, на благо всех, труд не за страх, а за совесть. Придут только те, у кого она есть. Остальные пусть не приходят. Заставлять никого не буду».

Сразу же, как всегда, раздались реплики: «А мне в субботу в музыкальную школу!», «А мне на секцию!»... «Хорошо, — парировал я, — кто не сможет в субботу, может работать в пятницу. Это даже лучше, все равно инвентаря на всех не хватит». На том и порешили. В пятницу апрельская погода задурила, холодно было, тучки низкие, дождичек моросит. Работало всего 9 человек. А в субботу солнышко выглянуло и работало 20 человек. Итог: 29 из 36 (трое болели). Но главное, ребята не без гордости отмечали, что убрали территорию лучше, чем параллельный класс.

В восьмом классе нам поручили самую черную работу: уборку пустыря за гаражами. Я начал приблизительно так же, как и в седьмом. Но Мишенька с первой парты, которому нравилось поправлять меня, заявил:

«Вот вы все говорите: добровольно, добровольно!.. Ведь так никто не придет?» — «А ты придешь?» — «Приду». — «И я приду. И нас уже будет двое. А ты говоришь, никто. Что мы с тобой — не люди, что ли? А помнишь в седьмом классе...» — и я напомнил.

В субботу после пяти уроков мы начали (хотел написать «дружно», но было не совсем так) выворачивать ржавое железо из рыхлой весенней глины. Мы — это человек 10, в основном девочки. Но потом подошли и наши парни — «тяжелая артиллерия», как мы острили. А потом... Усталые, грязные и радостные, волочили мы лопаты в школьный сарай, когда другие классы давно закончили свою работу. Но для меня радость была не только в победном боевом листке, где мы написали, что за 2 часа 32 человека собрали с пустыря урожай металлолома в 2 тонны! Главная радость заключалась в том, что среди тридцати двух был и наш неподдающийся Сашка М., которого и кабинет-то после уроков подмести не заставишь. А он пришел, пришел сам, хотя было у него законное основание не приходить: в четвертой четверти он учился в санаторной школе и на субботу-воскресенье получал отпуск, осуществляя, следовательно, законное право на отдых. И еще был Толик из девятого класса — он проходил мимо, но девочки сагитировали его выдернуть с ними из грязи неподдающуюся железку, а потом еще одну...

А с теми, кто не пришел, мы не разбирались. И не писал я в дневниках родителям: «Не явился на субботник. Прошу принять меры!» Они сами лишили себя радости коллективного труда.

Теперь, видимо, подошла пора вернуться к вопросу в письме: «предусмотрены ли Уставом средней школы... взыскания (наказания) ученикам, которые по неуважительным причинам не поехали в лагерь труда и отдыха».

Нет, не предусмотрены. Да и можно ли их предусмотреть? Нужно ли? Лагерь труда и отдыха — для почти уже взрослых ребят, для того, чтобы они больше сдружились и в труде, и в отдыхе. Сдружились. Почувствовали силу и радость человеческого единства. Поняли, что значит мощное слово «мы». И чтобы потом, как мои «археологи», отслужив в армии, вспоминали: «А помните Брянск?! А помните, как руки болели от лопаты?! А помните водопад?! А помните, как мы какао на костре варили, а оно все не закипало!» Еще как помнят!

И в этом году был у нашей школы лагерь на Тернопольщине, где ребят наших, по их словам, «встречали, как космонавтов». В нашей школе тоже были такие, кто говорил, что поедет (на всякий случай, «как бы чего не вышло»), и не поехал. И они не пришли осенью на вечер встречи членов ЛТО. И не придут, когда будет еще один такой вечер, и не потому, что их не пустят, нет. Они не пришли потому, что чувствовали бы себя одинокими на этом вечере. Им нечего было бы вспомнить и некому сказать: «А помнишь...» Если есть в коллективе атмосфера дружбы, единства, доброты и требовательности друг к другу, то наказание одиночеством — очень сильное и действенное наказание.

Создана ли такая атмосфера в классе вашего сына, была ли она в ЛТО вашей школы? Лучше судить вам, вы ближе к месту событий. Но из письма мне кажется: ее нет. И хотя ребята возмущались предательством товарищей, но возмущение было рождено скорее не стремлением к справедливости, а обидой, что они не могут поступить так же, как эти одноклассники.

Что же касается награждения медалью ученика, игнорирующего общественные интересы, то тут двух мнений быть не может. Не заслуживает он отметки по поведению — «примерное», а следовательно, в соответствии с инструкцией не заслуживает и медали. И эта мера пресечения не только моральная, воспитательная, но и управленческая.

Но Вас-то, я думаю, волнует воспитание? Что понесут наши дети в своих душах, а не то, умеют ли они укрыться за опрятной формой, красивой фразой, ожидаемым старшими поступком, умеют ли они мимикрировать...

Правы ли вы, настояв, чтобы ваш сын поехал «мотыжить в поле на солнце свеклу и капусту»? Спросите об этом у сына. Но, думаю, он рад, узнав, почему она, капуста...

Приспособленчество... Гаденькое, шершавое слово, как разжиревшая гусеница в спелом яблоке, вызывает немедленное желание — выбросить, раздавить! Но не рождается ли оно нашими поспешными желаниями наказать, отомстить за обманутую веру как можно скорее.

Письмо седьмое

...Помогите разобраться в нашем несчастье. Сегодня меня вызвали в школу, и я узнала, что мой сын имеет текущие двойки по алгебре, геометрии и физике во второй четверти, что он прогуливает многие из этих уроков. Я была очень удивлена, так как в дневнике его стояли только четверки и пятерки...

Когда же мы с мужем вечером присмотрелись к его отметкам в дневнике и сверили их с отметками, выписанными мною из классного журнала, то обнаружили, что многие отметки, в том числе и за четверть, исправлены... Мальчик наш рос тихим и скромным, и никогда ничего подобного мы с мужем от него не ожидали...

Теперь не знаем, как нам поступать в дальнейшем. То ли не доверять ему больше, постоянно проверять и контролировать, то ли попытаться найти какой-то иной выход?

Из письма А. М. Ф-ной, г. Воронеж

Подделка в дневнике

Да, несчастье. Ничто так не убивает веру в ребенка, как осознание того, что он лжет тебе, что искренние человеческие отношения вдруг стали невозможны. Но наберемся терпения: во-первых, почему «вдруг»? Во-вторых, невозможны ли?

Когда-то при поступлении в педагогический институт мне предложили заполнить анкету. На вопрос «Какие черты вы хотели бы воспитать в своих учениках прежде всего?» мы с товарищем, не задумываясь, написали:

«Честность». Как ее воспитывать, эту честность, мы, конечно, не знали. Скорее всего это свойство казалось нам само собой разумеющимся.

И помню свое потрясение при первом столкновении с подделанной отметкой в дневнике одного из моих первых четвероклассников. Тут же я разразился пространством замечанием на полях, потом резко поговорил с владельцем дневника, вызвал в школу родителей. На мой призыв вскоре явился отец провинившегося. Он обещал мне «повоздействовать» на сына, выразительно потрогав пряжку на своем ремне. Больше я не приглашал этого отца никогда: причины, по которым сын, мягко говоря, уклонялся от истины в общении с родителями, мне стали ясны.

И я решил попробовать обратить парня в свою веру иным способом. Однажды он попросил отпустить его с последнего урока на соревнования. Обещал принести справку. Я успокоил: «Не надо». Он был слегка озадачен. «А что такого? — в свою очередь, удивился я. — Я достаточно уважаю себя, чтобы не заниматься проверкой твоих слов. Думаю, что и ты себя уважаешь». Парень вспыхнул и ушел. Через некоторое время он обратился ко мне с похожей просьбой, снова сославшись на какие-то обстоятельства. И снова я сказал ему: «Иди. Надо — значит надо». Этот мальчишка учился у меня до восьмого класса. Больше я не замечал за ним попыток обмануть. Сложнее было убедить отца не хвататься за ремень при каждой неудаче сына. А для себя я сделал вывод: страх — отец лжи.

Та история многому меня научила. Заметив ту же подделку в дневнике, я уже поступал по другому: обведу кружочком, нарисую рядышком знак вопроса. Дескать, я заметил, и ты знай об этом, думай. Потом, при случае, заведу разговор с глазу на глаз, и мы сообща стараемся разобраться в причинах подделки. Это, пожалуй, самое главное в воспитании — разобраться в причинах и поступка, и проступка.

Вы, к сожалению, не пишете о причинах, побудивших Вашего сына так долго обманывать Вас. А у детской лжи, кроме страха, много других родителей и родственников.

Старший брат играет с младшим — трехлетним. Мечут магнитные стрелы. Заветная цель — сто очков. У младшего преимущество в дистанции, так что шансы на победу приблизительно равны. После каждого удачного попадания — родительская похвала. Старший отметал свои стрелы, и все отвернулись к телевизору, а младший, сделав несколько неудачных бросков, потихонечку пододвигает свои стрелы к заветному яблочку, а потом призывает взрослых обратить внимание на его успех. Честолюбие, тщеславие, желание утвердиться любой ценой в глазах и старших, и сверстников тоже могут быть причиной детской лжи и в более старшем возрасте.

Ребенку кажется, что если обмануть немножечко, совсем чуть-чуть, ничего страшного не произойдет. Только от нас, взрослых, зависит, насколько четкими, неразмытыми будут границы его нравственных понятий, которые иногда могут в глазах ребенка приобретать совсем иной смысл.

Недавно девятилетний сын моих друзей, после того как родители отчитали его за утаенную сдачу от денег на завтраки, в свою очередь, обвинил их в обмане. Он заявил, что давно уже знает: никакого Деда Мороза нет, а подарки под елку кладут родители. Взрослым потребовалось много усилий, чтобы объяснить сыну разницу между сказкой, иллюзией, фокусом, которые несут удивление и радость, и полуправдой, ложью, цель которых — всегда корысть, хотя и то и другое вроде бы основано на обмане.

В детстве все мы — фантазеры, мечтатели, искатели волшебных и неволшебных приключений. Поэтому можно совершенно спокойно разыграть товарища по классу, объявив, что того вызывает директор школы. При этом ребята могут и не осознавать, что одновременно разыгрывают и директора. Учитываются последствия совсем не те, которые видят взрослые.

Как-то разговорившись с одним из любителей подделывать отметки, уже закончившим школу, я спросил:

— А вот ты почему подделывал? Тобой не страх двигал. Родители у тебя добрые, мягкие... Как ты на это решился? Ведь знал, что неверно поступаешь?

— Знал, — мой собеседник надолго замолчал, вспоминая. — Многие подделывали, и мне захотелось. И еще проверить хотел — заметят или нет. Не заметили... А потом уж родителей плохими отметками огорчать не хотелось...

Как видите, целый букет причин. И приключение, щекощущее нервы при вкушении запретного плода. И желание утвердиться в глазах товарищей и самоутвердиться: и я не боюсь! И я могу! Но ведущим мотивом было действие, как в езде на велосипеде: не важно куда, важно, что еду... Нельзя сбрасывать со счетов и заразительную и одновременно заразную обстановку — примеры окружающих сверстников.

Но намного раньше сверстников не создаем ли мы, взрослые, лазейки своим воспитанникам, лазейки, через которые они могут спокойно уйти от голоса совести. Едет отец вместе с ребенком в автобусе: «Папа, надо билет взять», — дергает сынишка рукав отца. «Ничего, нам через три остановки выходить», — отвечает тот. Ерунда? Мелочь? Не о чем говорить? Но в следующий раз, когда отец заведет с сыном разговор о честности и принципиальности, мальчишка обязательно, если не в слух, то про себя вспомнит автобусную ситуацию и десятки подобных ей.

Из этого не следует, что должны мы лицемерить: при взрослых — одно, при детях — другое, «покарасивше». Дети и лицемерие высвечивают, как рентгеном. И более того, пережив, очень скоро берут его от нас на вооружение.

Недавно довелось мне услышать такую историю. Мальчик-шестиклассник, являвшийся буквально образцом честности и добропорядочности, неожиданно стал лгать, изворачиваться на каждом шагу. Учитель долго искал причину столь резкого изменения в его поведении. Случайно узнал. Мальчик считал, что рос в идеальной семье, где царят любовь и безграничная привязанность друг к другу. Однажды, проснувшись ночью, он услышал разговор ссорившихся родителей и понял, что все не так. Однако утром, за завтраком, оба они выглядели как обычно. Мальчик пережил самую настоящую трагедию, но сделал из нее свои выводы... Дорого обошлась родительская игра в любовь и дружбу.

Воспитывая, воспитывай себя — эта формула непререкаема, потому что воспитание не может быть процессом односторонним. И у воспитанника, и у воспитателя могут быть свои правды, свои резоны, но конкретная истина не знает вариантов. И искать путь к ней должны и воспитанник и воспитатель вместе.

Но что же делать, если лживость уже проникла в поры растущего человека? Существует ли лекарство? Универсального нет. Каждый раз приходится создавать его заново. Но две составляющие должны в нем присутствовать обязательно: разъяснение и доверие. И еще одну можно также назвать — это ставка на свойственное детям чувство справедливости, порой искаженной, но справедливости. Самому отпетому подростку можно объяснить, что он поступил несправедливо, что вследствие его обмана кто-то пострадал — предположим, тот же учитель, те же родители. Я много раз убеждался в том, как сильно действует этот простой довод, если его привести спокойно, без раздражения и доктринерства.

Но чаще мы идем другим путем. Контролируем каждый шаг, выспрашиваем у товарищей, устраиваем следствие, уличаем. Этими мерами, которые никак нельзя отнести к числу воспитательных, мы в лучшем случае заставляем воспитанника затаиться, в худшем — он начинает играть с нами в игру типа «Сыщик, ищи вора». Опасная игра, в которой нет победителей, даже в случае победы одного из двух. Проигрывают все: и педагог, не добившийся толку, и ребенок, утверждающийся во мнении, что можно уйти от наказания, надо только лучше лгать и изворачиваться.

Только обстановка доверительности позволяет сформировать убежденность в том, что быть честным не только правильно, благородно, но и попросту удобно, выгодно. Надо упражнять детей в честном поведении, на каждом шагу доказывая им его преимущества и достоинства.

Формула «Я никогда не накажу тебя, если ты скажешь правду, какой бы неприглядной она ни была, и буду презирать тебя, если ты солжешь» должна действовать неукоснительно. В конце концов она сработает. Обязательно.

Все мы, честные и не слишком, прямодушные и лукавые, родом из детства. Вот почему нельзя ни легкомысленно отмахиваться, ни ставить крест на детской изворотливости. Ни подделанная отметка, ни утаенная сдача, ни кража яблок в чужом саду — не мелочь, не наивное заблуждение, которое и с нами когда-то случалось. Все вырастает из крохотного зернышка, порой незамеченного нами вовремя. Но тот, кто, став взрослым, нисколько не смущаясь, уносит с завода моток провода, банку краски со стройки, тоже родом из детства. Значит, пока человек еще не вырос, не сложился, нравственный счет, предъявляемый ему и себе, должен быть самым высоким, самым бескомпромиссным.

Подделка отметки, подделка оценки... Оценка, отметка. Как часто у детей путаются и сливаются эти понятия: изменилась отметка в дневнике, и кажется, что изменилась оценка тебя окружающими. Да и только ли кажется? Как часто мы, взрослые, судим о детях-школьниках по оценкам в таблице, в дневнике, в аттестате. У нас даже термины сложились — двоечник, троечник, отличник. Встретятся знакомые, разговоятся о детях... Но вокруг чего чаще всего идет разговор? Нет, не о том, чем увлекается ребенок, какие предметы его занимают больше всего, хочется ему идти в школу или нет. Разговор идет вокруг оценок. И уж во всяком случае так происходит в разговоре взрослого со школьником: «У тебя тройка по алгебре?! Жаль... А вот у нашей Леночки пятерка!» Так посочувствовала одна пожилая дама семикласснику. Ей было и невдомек, что учился он в математической школе, и его тройка по алгебре, честное слово, была равноценна Леночкиной пятерке.

Редко задумываемся мы над тем, что погоня за хорошими отметками приучает наших ребят стремиться к удаче, а не к успеху. (Разницу между этими понятиями хорошо раскрыл один из наших космонавтов. Когда корреспондент пожелал экипажу перед полетом удачи, он поправил: удача слепа, случайна, успех — результат труда. Пожелайте нам успеха!) И, радуясь хорошей отметке сына или дочери, всегда ли мы замечаем, в результате чего они достигнуты? В первом классе, как правило, подавляющее большинство детей учится хорошо. Но всегда ли это результат их непосредственного, сегодняшнего труда? Не результат ли это унаследованной от бабушки хорошей памяти, познавательных игр детского сада? И, удовлетворившись первыми удачами ребенка, не забываем ли мы растить успех, привычку к каждодневному учебному труду, чтобы потом не приходилось писать письма, подобные этому?

Письмо восьмое

...Мой сын совсем обленился! До четвертого класса все было более или менее нормально. Выдающимися отметками он, правда, никогда не блистал, но уж на четверку учился. А в четвергом классе пошли сначала тройки, а потом и двойки. И главное, ничего делать не хочет! Упражнение переписывает, а орфограмму разбирать — это уж мама. Задачу решить без мамы тоже не может. И все-то его приходится заставлять... Уроки со мной только и делает. Опять учусь в пятом классе!

Неужели во всех семьях так?! Ведь есть же нормальные дети! Почему же с моим Сережкой происходит такое?!

Из письма М. Л. Сердюковой, г. Томск

Простые секреты

Такие жалобы — не редкость. Особенно часто их выслушивают учителя математики и русского языка. Видимо, применительно к истории или географии лень менее заметна. «Спросят — ответишь, и можно недельки две отдохнуть до следующего вызова к доске, а перед ним можно снова почитать учебник. И пусть я не знаю климатические пояса Африки — зато знаю животный мир Австралии. И по географии у меня твердая четверка!» — приблизительно так рассуждает (если рассуждает) полуленивый ученик.

Но что такое вообще ленивый ребенок, ленивый подросток? Само соединение этих понятий кажется мне противоестественным, уверен: на самом деле ленивых детей не бывает. Вы пишете: «Сын совсем обленился!» А что означает «совсем»? Ведь упражнение по русскому языку он сам переписывает. Может ли быть ленивым одиннадцатилетний человек, энергия которого так и брызжет через край?!

Стоит присмотреться, поговорить с любым учеником, заслужившим репутацию ленивого, и вы обнаружите, что один часами мастерит авиамодели, другой терпеливейшим образом собирает коллекцию марок, третьего не оторвешь от книги, четвертый до седьмого пота играл в хоккей на катке, который сам заливал... Так что нет детской лени вообще, есть учебная лень. Спросишь такого «ленивца»: «Почему ты готов делать все, что угодно, только не уроки?» — «Не знаю, — пожмет плечами и замолчит, подумает, добавит: — Неинтересно». Между тем первокласснику-то было интересно. Куда же исчезает он так быстро, этот интерес к учению, к познанию? Да исчезает ли он совсем? Может быть, просто заменяется другим, сложившимся стихийно, иногда однобоко, уродливо? Ведь потребность в познании заложена в человеке природой, как потребность в еде и питье.

Только найдя причины первого охлаждения к учению (а они у каждого свои, хотя много и типичных), мы сможем с вами решить, что же делать дальше.

Вот рассказ одного наблюдательного отца: «Записали мы нашего Кирюшу, он тогда в третьем классе учился, в музыкальную школу, в класс гитары. Нет, мы не только не заставляли — противились: слишком много получается. И так — английская школа, бассейн. Но очень просил. Первый месяц занимался с большим желанием, потом все меньше и меньше. Мать ему нотацию прочитает — возьмет инструмент, пять минут побренчит и все. Бились мы с ним, бились, а потом я и говорю жене: «Погоди, может он просто устал. Давай оставим его в покое». Прошло три дня после разговора, парень с температурой слег. Погрипповал недельку — в школу пошел, потом в музыкальную. И что-то долго не возвращается. Мы уж волноваться начали. Наконец, приходит. «Ты что так поздно?» — спрашиваем. А он: «Я пьесу переписывал. Учитель сказал, кто хочет. Будем в оркестре играть!» И взялся наш Кирилл опять за гитару. Репетирует без всяких понуканий. Отдохнул парень».

Вот так просто открываются некоторые ларчики, лишний раз убеждая, что первопричина учебной лени часто связана с усталостью, с нездоровьем ребенка. Есть, конечно, ларчики и похитрее, но и их не следует пытаться открывать топором.

Как-то, пытаясь докопаться до причин нелюбви к математике, я спросил у одного из «ленивцев»: «А когда ты невзлюбил математику?» — «Да в первом классе». — «Почему?» — «Наставили двоек, мне учиться и расхотелось». Это был типичнейший ответ! Да и дальше события развивались по очень хорошо известной схеме. Двойка сыну — это ведь двойка и родителям. А они «люди с образованием». Позор! И родители начинают рьяно исправлять положение. Поначалу это означает: «Будешь готовить уроки со мной (папой, мамой)!» Тем более что учитель, как правило, рекомендует усилить контроль. И контроль усиливается. Уроки начинают готовить по возвращении папы или мамы с работы, часов в семь вечера, когда сынишка уже устал и фильм по телевизору посмотреть хочется. А тут сиди, складывай, умножай, дели, ищи, сколько было яблок во втором ящике, когда тебе и одного не дадут, пока уроки не сделаешь. Все сделал на черновичке? Переписывай! Ошибка? Давай еще раз!

Так учение превращается в каторгу. Ребенок начинает ненавидеть задачу, которая не решается, а за нею и учительницу, которая завтра эту задачу спросит, и школу, и математику, и... И покотился снежный ком с горки.

Другая схема, более простая. Помните? «Папа у Васи силен в математике, учится папа за Васю весь год...» Папа сам не замечает, что приучает сына к безделью, как не замечала этого раньше мама, когда на заявление сына «Я сам завяжу шнурки!» бросала: «Некогда!» — и быстренько завязывала.

Мы спешим видеть своих детей хорошими, точнее, соответствующими нашим представлениям о том, что такое хорошо. Мы подталкиваем ребенка, тянем его чуть ли не за уши, чтобы он поскорее достиг идеала, сложившегося в нашем сознании. На самом же деле надо сформировать этот идеал в сознании ребенка и убедить его, что у него есть силы достичь этого идеала.

Лучший способ воспитания тот, при котором родители не замечают, что воспитывают, а дети — что воспитываются. Именно так живет семья наших соседей. Отец и мать всю жизнь проработали рабочими на мебельной фабрике. Образования особого не получили, некогда было. Но людей образованных уважают. (Я помню, как эти деликатные люди заговорили со мной еще деликатнее, узнав, что я учитель.) Вырастили они и воспитали троих детей. Старшая дочь закончила школу с медалью и вуз с отличием. Сын тоже окончил школу с одной четверкой. Младшая дочь учится «похуже» — на четверки и пятерки. В чем секрет? Сразу же понятно: пример человека, преданного труду, уважающего знания, был всегда перед глазами детей. Но как-то в разговоре мать этого семейства раскрыла еще одну грань, вспомнив начало школьной жизни старшей дочери: «Я ей только в первом классе немного помогала. А потом, говорю: «Ты уж сама». Помню, решает она, решает — не получается задача. Ляжет на диван, успокоится и снова... И все же сделает! После придет из школы, жалуется: «Я, мама, делаю-делаю, а они: дай списать, дай списать... и списывают». А я ей: «Им же хуже. Ты для кого, Мариша, учишься? Ведь для себя же!»

Учиться для себя. Вот и вся немудреная мудрость. Не для чести семейного мундира, не для учительницы, не для доски Почета, не для отметки — для себя, чтобы быть человеком. Добиться такого отношения детей к учению, к жизни — это и значит сформировать у них идеал, точку стремления. Но путь к этому идеалу состоит из множества ступенек. Вот тут-то мы и должны оказаться рядом, чтобы помочь ребенку в его нелегком восхождении.

Не хватает терпения, собранности, внимания. Поставим перед ним будильник. Озадачим: десять минут работы — пять минут перерыв, так ты отучишься отвлекаться, а упражнения будешь делать намного быстрее... Через неделю — пятнадцать минут. И так до заветной цели — сорок пять. Получил двойку — не беда, давай разберемся в ошибках, разберемся — придут и пятерки... А впрочем, вот история с моим сыном...

Второй класс. Четвертая четверть. По математике — три, два, два, три, два... И мне как родителю обидно стало. Это мой-то сын! Сын учителя! Самолюбие задето... Не знаю, как было бы дальше, но, к счастью, я только прочел книгу В. Ф. Шаталова «Куда и как исчезли тройки». Меня увлекли его идеи. Особенно идея опорных листов, то есть таких символических инструкций, которые позволяют легче запомнить и воспроизвести материал, дают возможность ребенку почувствовать уверенность в себе. И я начал разговор несколько иначе: «И не стыдно тебе? Тебе, который сам придумывал задачи в пять лет! Хочешь, я объясню тебе всю твою математику за два вечера?! И будешь щелкать задачи, как орехи!» Глаза сына загорелись: «Хочу!» — «А хватит терпения?» — «Хватит, хватит!» — «Давай лист бумаги». И я начал объяснять.

Поскольку я смутно представлял программу второго класса (да простит учительница математики учителя истории), то я начал с понятия числа вообще и всевозможных форм записи чисел, популярно объяснил, что такое отрицательные числа. Также популярно объяснил, что такое дробь, разделив «по справедливости» на листе бумаги три яблока на четверых, начертил и стрелками показал схему умножения и деления дробей. Показал умножение целых чисел, как частный случай умножения дробей, а как частный случай умножения целых — возведение в степень, начертил график параболы, а логика вела дальше, и я увидел, что попутно можно объяснить, что такое осевая симметрия... И тут я заметил, что это явно программа пятого класса... Об этом я незамедлительно сообщил сыну. Он сиял!

Объяснял я, конечно же, не так быстро. Каждое новое понятие закрепляли. Сын по образцу-инструкции решал типичный пример. И после каждого правильного решения (а оно почти всегда было правильным) я кричал: «Браво!», «Ты гений!» и по-мужски жал руку. Сын искрился от удовольствия. А потом бежали к маме на экзамен: просили придумать примерчик. И сын решал! Через два дня я принес старенький учебник для пятого класса. Открыли наугад; Я показал, как решается несколько задач, и сын решил по образцу сам несколько задач. Это было семейное торжество, торжество веры в силы ребенка.

Не подумайте, уважаемая товарищ Сердюкова, что мой сын вундеркинд. Нет. Никто у нас в семье так не считал и не считает. И математики пятого класса после этих занятий-фейерверков он, конечно же, усвоить не мог. Но после этих занятий по математике у него были только четверки и пятерки, домашние задания (и не только по математике) он делал быстро и уверенно и всегда сам.

Я решился рассказать эту историю, потому что прошло два года. Сын хуже учиться не стал. Случается, конечно, получает даже и двойки. Но никого это сильно не смущает. Состоялось главное: он почувствовал уверенность в себе, подорванную двойками второго класса, почувствовал, что может учиться и жить по большому счету.

Под впечатлением этого случая я попробовал вот так же позаниматься с самыми отпетыми лентяями из моего пятого класса. И что же? Никакие они не лентяи. Просто скопилось непонимание, а на его почве — неуважение к самому себе, нелюбовь к учебному труду. Ведь и мы охотно делаем только ту работу, которую знаем.

Да, с талантом рождаются, он только совершенствуется и шлифуется с годами, но черты талантливых людей — уверенность в себе и трудолюбие — мы можем и должны воспитывать, чтобы потом никто не сожалел о загубленном таланте.

Не будем спешить укорять ребенка: «Лень раньше тебя родилась!» Она действительно рождается раньше ребенка, ее порождает наше невнимание к нему, незнание его природы. Учителям порой бывает трудно разглядеть ученика, понять причины его отставания, вовремя заметить, что у одного ребенка замедленная реакция, другой не совсем здоров и потому быстро утомляется, у третьего не выработан навык устойчивого внимания. И тут вся надежда на родителей, которые знают о своем сыне, о своей дочери многое из того, что учителю неизвестно.

Вот почему нам, учителям, так важно, чтобы папы и мамы приходили в школу не с претензиями и тем более не с жалобами на собственных детей, а со стремлением честно и пристально разобраться в том, что мы привычно называем пенью и нежеланием учиться. Разобраться для того, чтобы вместе подумать, что делать именно в этом случае, именно с этим ребенком.

Говоря о причинах неудач в учебе наших детей, я не коснулся еще одной из причин: низкой дисциплины на уроках, да и в школах вообще. Об этом следующее верное и спорное письмо. Верное в постановке вопроса, спорное — в его решении.

Письмо девятое

Воспитание ребенка носит непрерывный характер: дом, школа, улица и обратно. Ребенок формируется под влиянием всего окружающего. Большинство родителей воспитывают детей в духе добра, умения слушать и понимать боль, страдания другого человека, протянуть вовремя руку дружбы.

Но вот пришла пора, и твой ребенок появляется в школе. И все, чему ты учил ребенка, идет насмарку. Зайдите на перемену в любую школу нашего города, но зайдите без предупреждения и посмотрите, что делают дети на переменах. Да они же просто устраивают разбой! Учителя сидят по своим кабинетам, благо ввели такую систему, а дежурство несут совершенно формально, предпочитая не вмешиваться в «детские шалости», часто проходят мимо дерущихся учащихся, будто их это и не касается. Как же так?! Ведь родители отправляют детей не на истязания, а для получения знаний.

Ребенок приходит домой с синяками. Если обращаешься к учителю с возмущением, следует ответ; «Он сам виноват, сам лезет, и ребята его за это не любят!» Может быть, и так. Но ведь задача учителей, особенно начальных классов, не обострять недостатки учащегося, а сдружить, спаять весь коллектив. Это самый главный вопрос в работе классного руководителя. И если любой вид трений между учениками, я уж не говорю о драках, будет подвергаться тщательному и результативному анализу, дети привыкнут к подчинению коллективу, привыкнут к дружбе, учеба для детей превратится в радость, а дружба станет законом до конца учебы.

Этого нет сейчас в школах. И я заявляю со всей ответственностью: взаимоотношения учащихся строятся на умении применять силу с первых классов...

Я помню период своей учебы в школе: кругом стояли дежурные педагоги, на переменах не только драк, но и беготни не допускали... Школа — это святыня знаний. Так учащиеся и должны воспитываться. Беготня и необузданное поведение на переменах, как правило, приводят к травмам детей и к тому, что они безо всякого сострадания крушат мебель, бьют стекла, вот и идет каждый год ремонт школ...

«Кабинетное» отношение к вопросам воспитания в школе приводит у одной части детей к крушению всего того, чему учили родители, а следовательно, к выводу: не нужно их слушать, так как послушные и недрачливые дети в школе беззащитны и подвергаются инквизиции со стороны этаких «ухарей». Другая же часть детей — разболтанных — постепенно начинает понимать свою силу, чувствовать безнаказанность своего поведения, и вот, как финал, такого типа подростки попадают в разряд «трудных»... А брешь-то началась со школьной вешалки, когда первоклассник входил в школу, видел все окружающее...

Потому-то я бы хотела, чтобы был остро поставлен вопрос о дежурстве преподавателей в школах. Обязать весь педперсонал школы на переменах находиться не по своим кабинетам, а в коридорах, в столовой, в туалете и контролировать поведение детей. Любой вид драки между учащимися должен стать ЧП для школы, и тогда, пусть не сразу, почва для хулиганства в школе будет выбита...

А. Г. Бочарова, ветеран войны, г. Одесса

Что и говорить, вопросы, которые Вы подняли в своем письме, уважаемый товарищ Бочарова, остры и сложны. И я ломал над ними голову задолго до Вашего письма и после него. Только вот ответы на эти вопросы, по-моему, не так просты, как Вам кажется со стороны. Многие из того, что Вы предлагаете, уже давно осуществлялось и осуществляется в школах: и дежурство учителей и учеников, и разбор всевозможных конфликтов на классных собраниях и школьных линейках, и постановка на учет наиболее отъявленных хулиганов в милиции, но только все эти мероприятия оказываются малоэффективными, иначе не было бы и Вашего письма. Но привыкают дети в результате контроля и слежки не «к подчинению коллективу», не «к дружбе»... Да и лицо классного коллектива не определяется одним учителем, классным руководителем, каким бы он распрекрасным ни был. Лицо класса определяют прежде всего дети, приходящие в школу, воспитанные нами, родителями, до школы и воспитываемые в школьные годы. Настолько ли прочны и верны их нравственные убеждения, чтобы с ними можно было противостоять тем, кто был дурно воспитан? Всегда ли мы учим наших детей разумно и благородно выходить из конфликта? Всегда ли и мы, взрослые, воспитатели, поступаем так?

Все эти вопросы требуют более обстоятельного ответа, об этом мне и хотелось бы поговорить в первом ответе на Ваше письмо.

«Если бьет дрянной драчун»..?

У В. В. Маяковского все просто — он его не вставит в книжку! А в жизнь? И еще: а если он не дрянной?

«Ну, какие дела?» — это традиционный вопрос, который я задаю сыну-четверокласснику, только переступив порог квартиры. Он вздыхает: «Разные... По английскому четверку получил, по русскому четыре и два за диктант. Я не знал, как орфограмму разбирать. И еще... Пап, я опять подрался».

Раньше это «опять подрался» было сигналом к взрыву нашего родительского негодования, потом мы с женой испугались, что сын вообще перестанет что-либо рассказывать, и стали терпеливо разбираться в его многочисленных школьных конфликтах, выясняли причины драки, добивались оценки ее от сына и давали свою оценку.

Теперь он рассказывает как бы по вопроснику: «Я с Коршуновым подрался. Он такой гад (вредный)! Он Соева на уроке булавкой колол. Сидит сзади и колет. А у Соева рука в гипсе. Ну я и дал Коршунову! Заступился...» — «Что, прямо на уроке?» — уточняю я. «Нет, на перемене... А на меня Ольга Ивановна набросилась, накричала и замечание в дневник написала... Не разобралась даже... А Коршунов, он такой вредный, его никто в классе не любит, все толстым зовут... А бабушка его каждый день в школу провожает, портфель за ним носит...» Сын заглядывает в мои глаза, ждет оценки своему поступку или проступку.

Что же мне ответить? С одной стороны, благородный порыв защитника слабых, с другой — как ни крути, кулачная расправа... Как часто мы, воспитатели, особенно школьные, оказываемся в двойственном и даже тройственном положении в результате ребячьих конфликтов.

До конца урока не более десяти минут. Вдруг посреди объяснения сложной темы поднимается трясающаяся рука шестиклассника. Только восемь минут назад удалось собрать общее внимание... Но рука продолжает трястись. «Что случилось?» — «Иванов у меня фломастеры отнял!» — «Пусть он мою линейку отдаст!» — вскакивает Иванов. Что делать? Терять дорогое время урока, разбираясь в конфликте и тем самым поощряя мелочнее ябедничество? Одернуть того и другого? Оставить без внимания? А во что это выльется?

Дорога домой лежит вдоль школьного стадиона. Еще с бугорка замечаю: назревает драка. Когда подошел к столпившимся в круг ребятам, драка шла полным ходом. Незнакомый девятилетний мальчишка сидит верхом на другом и замахивается, чтобы еще разок ударить. «Лежачего не бьют!» — останавливаю я руку. Воспользовавшись моментом, лежачий пытается ударить ногой. «И ногами не дерутся!» — растаскивая драчунов, приговариваю я, пытаюсь на ходу внести в эту первобытную стихию средневековой рыцарский кодекс чести. Победитель спешит отойти, видимо, зная, что в отличие от поговорки «победителя не судят», в мальчишеской драке взрослые судят и осуждают чаще всего победителя, сочувствуя слабым. «Иди сюда!» — властно подзываю я. Беру обоих за руки. И вместо того чтобы мирить, как все ожидают, под общий смех столпившихся мальчишек объявляю верхнего чемпионом мира и его окрестностей, поднимая его руку.

Смех, юмор, сарказм убили разгоревшиеся страсти, пусть на время. Как выяснилось потом, дерущиеся не поделили пистолетик, такой необходимый для игры в войну. Кто был прав, кто виноват, понять из сбивчивых рассказов было невозможно. Да и не породило бы решение незнакомого взрослого человека новой драки? Кажется, я принял в той ситуации единственно верное решение. Смех помог сгладить конфликт, но не разрешил его.

Да и можно ли их все разрешить нам, взрослым? Нужно ли? Не будут же они всю жизнь жить с оглядкой на кого-то? Надо и им когда-то научиться принимать решения в конфликтных ситуациях. А их много. Вспомним, сколько их рождалось на каждом шагу нашей школьной жизни?! Да и теперь из-за чего только не дерутся мальчишки и девчонки моего нынешнего 6 «В»! Дерутся, потому что кто-то кого-то толкнул, пробегая по коридору, обозвал жирным, пнул ногой портфель, подставил ножку шутки ради.

Это нам кажется смешной драка из-за подобных причин. Но для становящейся личности это, как правило, оскорбление чести и достоинства в глазах окружающих. Можно сколько угодно сожалеть о дуэли А. С. Пушкина, но он был «невольник чести» и не мог поступить иначе — не признавало окружающее большинство других способов ее защиты. Не происходит ли то же самое с нашими детьми? Но аргумент кулака — это первобытный, дикий аргумент.

Правда, есть такая гипотеза, что человек в своем развитии проходит стадии развития человеческого общества. И может быть, поэтому едва выучившийся ходить карапуз тянется к палке и камню — этим самым древним орудиям человечества? Может быть, поэтому трехлетний малыш, не ища или не найдя покровительства и защиты взрослого, бросается с кулаками и с первыми попавшимися предметами на обидчика, не стесняясь тем, что тот намного сильнее его? И может быть, поэтому уже в первом классе прибегает наш ребенок к первобытной мести — око за око, — бросая на пол портфель соседа, резко оттолкнувшего его портфель, мешавший сесть за парту как следует.

Все, может быть, так. Но вырастить-то мы должны не первобытного, а цивилизованного человека, умеющего «властвовать собой», умеющего видеть в окружающих людей, а не противников. Первопричина взаимоненависти часто детьми забывается, обрастая новыми обидами, рожденными новыми стычками.

«Добро должно быть с кулаками!» Когда-то мне нравилась эта фраза. (А Вам она нравится, уважаемая тов. Бочарова?)

Да, мы все диалектики. И на вопрос «Можно ли ударить человека?» я отвечал: «Смотря когда, при каких обстоятельствах». Теперь мне все реже хочется отвечать так, тем более детям, нашим детям-акселератам, удары которых, оснащенные приемами бокса, самбо, каратэ, в 14 – 15 лет становятся страшными ударами. Все чаще я отвечаю: «Закон предусматривает самооборону только в случае реальной угрозы твоей жизни или жизни окружающих». Но как бы мы ни учили детей правилам драки, правилам борьбы, они пусты без твердой нравственной основы, дающей представление не только о том, что такое добро и зло, но и как с этим злом нужно бороться, не творя нового зла. Детскую агрессивность необходимо не только вводить в определенное русло, но и изживать ее.

Да и почему наши дети порой столь агрессивны? Даже ссылка на первобытность тут не поможет. Первобытное общество так и не стало бы человеческим, если бы люди не научились сдерживать свои отрицательные эмоции, не научились прощать и жалеть Друг Друга. Не помогаем ли мы своим поведением сохранению в детях этой первобытной агрессивности? Ведь мы, родители, — первый мир наших детей. Как часто дают поспешный совет отцы сыновьям, которые жалуются, что к ним пристают другие ребята: «Ну и дай сдачи! Постой за себя. Ты же мужчина!» И только ли сыновьям?

Мне досадно и жалко глядеть на разбитую губу сына. Жалко не потому, что это мой сын, и не потому, что он испытывает какие-то физические страдания. Пусть испытает. Иначе какой же мужчина из него вырастет?! Жалею я о другом. О том, что он добр как-то наполовину, хотя бы в истории с Коршуновым, что что-то упущено в его воспитании. И хочется наверстать, и хочется чтобы не упустили другие.

Можно сколько угодно жаловаться и обижаться на драчливость детей. Объяснять все одной простой причиной: дети дерутся в детском саду, потому что не смотрят воспитатели, в школе — не смотрят учителя, на улице — не смотрят милиционеры. Допустим даже, что так. Но повлиять-то глубже, сильнее мы можем не на дальнего, а на самого ближнего — самого себя. Но, может быть, все-таки причины-то лежат поглубже? Может быть, уже к трехлетнему возрасту сформировалась она, привычка, разрешать все спорные вопросы с позиции силы? А последующие события ее только закрепляют? Может быть, наши дети (и даже взрослые дети!) так долго находятся на первобытной стадии потому, что мы с этой стадии начинаем строить свое воспитание?

Семейная сцена. Трехлетний сын бежит перед сном босиком. «Тебе не холодно?» — отрываясь от международного футбольного матча, спрашивает отец. «Неа!» — упиваясь радостью босоножества, отвечает малыш, продолжая бегать. Появляется мать, хватая его за руку и тащит в постель. Сын кричит. На некоторое время затихает. Снова слезы. Отец отрывается от телевизора, спешит в спальню. «В чем дело?» — «Мама книжку читать не хочет!» — «Почему, Вика?» — «Он наказан, он мать не слушается!» Волнения матери, пережившей только две недели назад очередную простуду сына, вполне понятны. Но к чему такая резкость? «Давай я прочитаю!» — отец берет книжку. «Димин угодник пришел!» — бросает мать и отворачивается. «Зачем ты так? Что ты все навязываешь Димке свои приказы?! Он же трехлетний!.. Но человек, а не овечка!» Отец читает веселое стихотворение Маршака. Читает задорно. Все смеются. Конфликт исчерпан.

Другая сцена в той же семье. Трехлетний ударил ногой брата, замахнулся на мать — раскапризничался. Отец невозмутимо обращается к драчуну: «Ну и меня ударь». — «Не буду, — потупившись, цедит карапуз. — Ты хороший. Я тебя люблю».

Еще один каприз трехлетнего. Получив от отца отказ поиграть «в шахматы», потому что до сих пор не снял ботинки и брюки (очень они ему нравятся: «Я — красивый!») бросает: «Ну и плохой ты, папка! Я с тобой водиться не буду!» И, отвернувшись в угол, пытается хныкать. «А я буду с тобой водиться! Ты хороший. И я тебя люблю», — говорит отец. «А я тебя — не люблю!» — «А я тебя все равно люблю. Ты хороший и умный мальчишка, только упрямый немножко», — продолжает внушать отец. Через пять минут тишины наступает примирение. Во время объятий и взаимных, поглаживаний потихоньку снимаются ботинки и брюки. «Дима, а где твои тапочки? Что-то я их никак не найду!» — глядя в противоположную сторону, спрашивает отец, зная, что сын их терпеть не может. «А вот они! — восклицает Дима. — Я их уже надел!»

Сильные взрослые, будем чуточку сильнее! Сильнее не физически, а душой и умом. Будем видеть немножко дальше сиюминутного, будем помнить, что доброе, жалостливое отношение к окружающим рождается только добром и жалостью. Будем помнить, что ребенка, ударившего кошку, не надо хватать за руку и волочить к ней, чтобы он ее пожалел, а возьмем на руки кошку и пожалеем ее. И при этом не отвернемся с нею в обнимку от обидчика, а подойдем к нему и его пожалеем тоже, пожалеем за то, что он поступил сгоряча, поступил так опрометчиво, и поэтому его жалко не меньше, чем кошку. Пожалеем не слабого, а слабых. Но слаб не только тот, кого бьют, но и тот, кто бьет, слаб еще в звании человека. Ну а если мы сильнее, то будем расходовать эту силу на терпение.

...Сын смотрит в мои глаза. Полгода назад я, не задумываясь, сказал бы: «Молодец. Защитил товарища». Сегодня я говорю иначе: «Хорошо, ты защитил товарища... Постоял за Соева, постоял за слабого, за близкого тебе человека. А о Коршунове ты подумал?! Подумал, почему он вредный такой? Почему он за булавку взялся! Может, потому, что вы его толстым дразните, презираете?! А после твоей взбучки он что, лучше станет?! А не думаешь ли ты, что в следующий раз он возьмет кирпич и проломит голову, нет, не тебе, ты ему свою силу показал, он тебя тронуть побоится, а Другу твоему, Соеву? Так кого же ты пожалел?! Может, только самого себя? А?!» Сын никнет под грудой моих вопросов, пробует возразить, но, кажется, до него начинает доходить моя логика. «Кто дал тебе право судить людей? — продолжаю я озадачивать сына. — Тебя что, судьей избрали, а попутно ты и должность палача прихватил?» Сын потрясен. И я уже начинаю бояться, что моя гневная речь вызовет озлобление, досаду, что отец не понял его благородного порыва.

«И если ты уж действительно хочешь быть добрым, — смягчаюсь я, — ты должен прекратить дразнить Коршунова и друзьям своим попробуешь все это объяснить... Поищи мирные способы разрешения ваших конфликтов и сам не создавай их... Попробуй, пожалуйста, не драться. Сдерживайся, если хочешь действительно быть сильным и добрым человеком».

Через день сын гордо сообщил: «А я сегодня не дрался. Была у меня на перемене стычка с одним, но я сдержался». Еще один день прошел без драк, и еще один...

Через неделю сын протягивает дневник: «Распишись, пап». — «Сегодня не суббота, — удивляюсь я. Открываю, читаю: «Дрался на уроке физкультуры! Два» и подпись... «Ни за что не поверю, что ты дрался лишь на двойку!» — сыронизировал я. «Я не дрался. Я разнимал драку».

Вот что, на мой взгляд, уважаемая А. Г. Бочарова, нужно делать в семье, вот с чего начинать ставить плотину драчливости, «хулиганству в школе», как вы выражаетесь. (Я долго искал замену слову «бороться»: борьба порождает ответную борьбу, и так можно до бесконечности...)

Теперь давайте посмотрим, какую плотину мы можем поставить в школе? Здесь ее ставить намного труднее, особенно без прочных семейных тылов, без прочной базы, созданной в семье. Но надо, не дожидаясь, когда у нас появятся сплошь идеальные семьи. Самым сложным, самым плохо организованным моментом школьной жизни, как Вы правильно отмечаете, является перемена. Вот на ней-то я и хотел бы остановиться и задать вопрос не только и не столько Вам:

Быть ли перемене в перемене?

Галстук съехал на сторону, одна из пуговиц болталась на единственной ниточке. Вольнов стоял в учительской насуспенный, но стоял твердо, уверенный в своей правоте. Дежурный учитель Людмила Николаевна выясняла причины драки: «Скажи, ну скажи, пожалуйста, сколько раз ты еще будешь стоять здесь?! За что ты ударил Лукова?!» — «Ну чего... Я бежал. Он мне ножку поставил. Ну я ему и дал по зубам! Пускай свои ноги при себе держит...» — «Кто дал тебе право на эту кулачную расправу?! — продолжала допытываться Людмила Николаевна. — Почему ты носишься как угорелый по коридору?»

Подобные сцены давно стали привычными. Я знал все реплики, как старый билетер в академическом театре. Менялись только исполнители в разные дни на разных переменах. И если бы это было только в нашей школе!

Что и говорить, неуправляемое поведение детей на переменах приводит к вредным, порой тяжелым последствиям. И дело не столько в травмах (на травматизм в школах приходится 10 — 15 процентов детских травм, в то время как в школе дети проводят не меньше 30 процентов своего активного дня), сколько в том, что школьная перемена — очень часто место пустого времяпрепровождения — порождает множество пустых конфликтов и приучает разрешать их с позиции силы, да и уроки после бурных перемен начинаются далеко не гладко.

Но стоит ли все причины зла видеть в том, что учителя формально дежурят на переменах? (Повторяю: далеко не все, не везде и не всегда.) Да, нам всем приятно вспомнить детство школьное, и нам даже может показаться (а может, это было и на самом деле — не буду спорить), что «кругом стояли педагоги и на переменах не только драки, но и беготни по коридорам не допускали».

В этих воспоминаниях выражается тоска очень многих пожилых людей (и учителей) по «золотому веку» школы, школы со строгой дисциплиной, где на переменах все чинно разгуливали по кругу... Но так ли это было? Позвольте все же усомниться мне, человеку, который учился двадцать с лишним лет назад в очень хорошей школе. Да, было хождение по кругу, но были и пинки задир, были и беспощадные драки в кровь, только, конечно же, в местах поглуше, не на глазах учителей. (Сейчас таких драк я наблюдаю гораздо меньше, и не только потому, что я теперь учитель.) Была и просто мальчишеская возня на переменах. Сила-то через край била!

Так что не было, наверное, этого «золотого века» и не будет, пока будет действовать лишь внешняя сила, сколько бы за нее ни ратовали. Более того, сторонники активной слежки за учениками сами приучают детей разрешать конфликты с позиции силы (пусть моральной, используя звание учителя, но все-таки силы). Не создает такая позиция внутренней основы для гуманного поведения ребят.

Так что вернемся к сегодняшней перемене. Шум, гам, беготня. Равнодушные дежурные ученики, понимающие, что остановить эту карусель все равно, что в половодье метлой преграждать путь ручью. И не равнодушные — те, кто еще не понял этого. Говорят, шум школьной перемены, усиливаемый бетонными стенами коридоров, по уровню близок гулу артиллерийской канонады. А это, как известно, разрушает любую нервную систему. Это плохо. А беготня? Вздохнув, мы должны признать, что дети восьмидесятых годов двигаются намного меньше, чем пятидесятых. Доступный общественный транспорт, телевизор — вот что отнимает у современных детей возможности для большего движения. Эту-то нехватку движения они и компенсируют на переменах. Ну а пробег по коридору дает нагрузку растущему сердечку в 10 раз большую, чем передвижение по тому же коридору ровным прогулочным шагом. А побег от дежурного несет дополнительные эмоции и дополнительную нагрузку организму. И сколько бы мы ни ставили запретов, природа берет свое. Как берет свое молодая березка на школьном дворе, пробиваясь сквозь толщу асфальта! Конечно же, можно положить еще больше асфальта, замуровать помощнее... Но нужно ли это нам и нашим детям?

Так не лучше ли эту беготню и эту эмоциональность организовать, направить в полезное русло?

«Театр начинается с вешалки!» Эти слова К. С. Станиславского стали крылатыми. Их знают все. Они все больше и больше претворяются в жизнь. Вспомните, как мы, взрослые, вместе с детьми наслаждаемся не только великолепным спектаклем в театре кукол, но и продуманностью всего театра, фойе которого тоже «играет» и воспитывает, начиная с музея кукол, аквариумов и клеток с выпускающими неожиданные трели кенарами и кончая тихими закуточками, где можно посидеть, подумать, осмыслить пережитое в зрительном зале.

Школы в отличие от театров давно перестали быть храмами. Они повседневны. Но значит ли из этого, что жизнь детей в них должна быть хуже продумана?

Кабинетная система привела к тому, что понятия «моя парта», «наш класс», в смысле «классная комната», стали более абстрактными и менее доступными для ребячьего сознания. И действительно, может ли мальчишка проникнуться этими началами школьного патриотизма, если в кабинете, который закрепили за их классом, он проводит 3 — 4 урока из 30 и, главное, не больше, чем в других кабинетах?! Да и в кабинете этом особо не осмотришься: на уроке — внимание на доску и на учителя, на перемене тебя отправят в коридор...

Что можно увидеть в школьном коридоре? Мне доводилось бывать в разных школах: от обычных до образцовых. Но принципиальных различий я не видел. На стенах стенды разного качества, но приблизительно одного содержания, желательно под стеклом. Причем их содержание не меняется на протяжении нескольких месяцев. А свойство детского внимания (да и не только детского) таково, что его может привлечь только новое. Вот и появляются посторонние надписи и пририсованные усы, выведенные местным любителем живописи, выставленным за очередные художества с очередного урока. Но именно они-то и оживляют скучные школьные стены. А интересные, меняющиеся стенды остаются в малодоступных на переменах кабинетах.

Мы не можем вернуться назад. Кабинетная система — требование времени, требование более яркого и более углубленного изучения предметов. Но инерция стиля довлеет и здесь. В каждом кабинете висит «классный уголок», и если даже его содержание интересно, с ним трудно познакомиться детям данного класса. Почему же нельзя вывесить эти уголки на всеобщее обозрение в школьном коридоре рядом с кабинетом? Почему так же нельзя повесить несколько стендов из кабинета?

Несколько лет назад я был знаком с учителем истории, который пытался организовать жизнь кабинета и досуг ребят на перемене по-другому. На картонных стендах он с несколькими учениками стал вывешивать кроссворды по истории, составленные самими же ребятами. Рядышком на ниточках висели карандаши, и ребята, с интересом решая эти кроссворды, невольно повторяли курс истории, запоминали порой скучные термины «мануфактура», «эксплуатация». Но эти нововведения встретили холодный прием у коллег и, что самое главное, у школьной администрации: «Не эстетично. Это школу не украшает». Добиться требуемой стандартной эстетики от ребят так и не удалось. Эксперимент угас. Картонки сменили правильные стенды.

Но, может быть, для школы нужна своя эстетика? Ведь рисунки детей 6—10 лет тоже мало соответствуют эстетике классической живописи, однако выставки детских рисунков даже на асфальте проходят с огромным успехом. И почему, скажем, стены школьного коридора должны быть выкрашены в одинаковый серый (синий, зеленый, коричневый) цвет? Почему стены у кабинета математики не могут быть расписаны алгебраическими и геометрическими формулами, а у кабинета физики — физическими? Да и могут же в коридорах появиться стены (или доски), на которых можно писать, рисовать, не пачкая кабинетную доску, подготовленную к уроку? (В одном знакомом доме мать, уставшая бороться с рисунками трехлетнего сына на обоях, отвела ему специальную стену. Обою на ней не менялись лет десять. Зато в доме появилась стена-музей, отражавшая и физический, и художественный рост сына.)

Но для большинства детей все-таки главное на перемене не смекалки и головоломки, не рисунки на досках и стенах, а возможность подвигаться. Как-то дочь наших знакомых (девочка с примерным поведением, член совета дружины) на вопрос, что они, девочки, больше всего любят делать на перемене, ответила: «Играть в «салочки», «жмурки», «колдунчики». — «И вам разрешают?» — усомнился я. «Не... Но у нас есть один закуток, туда дежурные не заходят!» Вот вам и березка из-под асфальта! И радоваться надо, что дети-телезрители еще играют. Подвижная игра, ставшая элементом досуга, не только закаляет физически, но и служит элементарному правовому воспитанию (умей подчиняться правилам!) и нравственному воспитанию тоже (общее мнение выступает как главный арбитр).

Печально, но многие игры детства забываются и уходят в прошлое, и потому-то многих современных детей необходимо приучать, приращивать к подвижным играм. Это большая работа, которую для начала надо вести, как говорится, «всем миром». Очень мало доводится видеть школ с оборудованными разнообразным инвентарем спортплощадками для подвижных игр. Да и на переменах двери школ чаще закрыты на замок. То ли грязи, то ли простуды боятся школьные администраторы?

А современные школьные здания («самолетом») мало пригодны для подвижных игр школьников: тесные рекреации, узенькие темные коридоры второго и третьего этажей, а пол первого этажа, где, казалось бы, можно развернуться, сплошь уложен кафелем, на котором, передвигаясь и быстрым шагом, легко упасть.

«Дети, вы — хозяева в школе!» Эту фразу любят повторять многие педагоги, желая воспитать рачительное, уважительное отношение к школе и школьному оборудованию, но при этом еще более часто они вынуждены повторять другое: «Нельзя!»

Но могут ли дети, действительно, почувствовать себя хозяевами, если довлеет над ними еще более властный хозяин?

В последнее время много говорится об индивидуальном подходе. Но уж если на перемене не может быть сплошь индивидуальных досугов, то во всяком случае они должны быть по возможности разнообразными и обязательно полезными.

Проблему разнообразной перемены могут и должны решать многие. Могут же архитекторы и строители создавать более удобные здания? Для работников школы и учащихся общественных организаций идея воспитывающей перемены открывает огромный простор для выдумки и смекалки, для творческого преобразования действительности.

А родители? Кто же, как не они, может помочь оборудовать интересным разнообразным инвентарем спортивные и игровые площадки школ, помочь оформить стены коридоров и рекреаций сменными стендами и витринами с рисунками и поделками ребят? Но главное, занимаясь воспитанием собственного ребенка, разъяснять и показывать примеры разумного досуга, прививать вкус к игре по правилам, к тем же самым «кошкам-мышкам» и «моргунчикам», «шахматам», «пятнашкам», приучать себя (а вместе с тем и детей) мирно и гуманно разрешать семейные конфликты, покончить с диктатом в воспитании.

Но для этого надо сначала преодолеть инерцию стиля, штампы представлений, понять, что воспитание происходит и на переменах, что воспитывают не запреты, а живая, нужная людям деятельность. И в этом тоже может помочь передовая родительская общественность.

Школа нашего ребенка. Она заботит нас. Но думаем мы о ней больше всего, когда наш ребенок отправляется туда впервые. Мечтаем, чтобы школа была хорошей, чтобы учительница была в меру строга и добра... А если это не так? А если это так, как в следующем письме?

Письмо десятое

Пишу с надеждой, что вы поможете разобраться. У нас растет дочь Лена. Учится она неплохо. В семье у нас нормальная обстановка. Дочерью мы пока довольны. Она понимает нас, мы — ее. Всегда с нами делится всеми своими делами.

И вот по рассказам дочки мы поняли, что класс у них недружный. Классный руководитель и другие учителя считают этот класс слабым. По этой причине одна мама перевела своего сына-ударника в другой класс. В нашем классе всего шесть ударников, а в других классах — по двадцать. Муж вносил предложение на родительском собрании, чтобы классы перестроили, но его не поддержали.

За два года в классе не было ни одной увлекательной экскурсии, похода, ни одного интересного собрания. Неужели наши дети окончат школу со слабыми знаниями, так и не узнают, что такое настоящая дружба, товарищество?

Я давно закончила школу. Но до сих пор помню и люблю свою первую учительницу и классного руководителя в средних классах. И так хочется, чтобы мой ребенок тоже сохранил о школе добрую память. Может, и мне перевести дочку в другой класс или другую школу?

П.Дениленко, г. Миасс Челябинской обл.

Рыба ищет, а человек создает...

Прочитав это письмо, сразу же невольно задаешься вопросом: по адресу ли будет твой совет? В конечном счете, по определению психологов, люди делятся на две категории: «актеров» и «режиссеров», тех, кто считает, что следует своей судьбе, и тех, кто считает, что эту судьбу делает. К какой же категории принадлежит адресат? Совпадут ли наши взгляды на тот набор случайностей, которые мы привыкли именовать судьбой?

Да, это случайность, это судьба — класс, в котором мы учились когда-то, в котором учится твой ребенок, как случайны и школа, и город, в котором ты родился, и даже родители. Но от нас зависит только то, как к этому отнестись.

Вспоминается школьная жизнь моего друга, мальчика из интеллигентного дома, который по воле родителей, переехавших в новый город, попал «в школу получше». В том пятом классе, куда его определили, было густо намешано всяких детей, и таких, как он, и таких, что и детьми-то назвать трудно: несколько второгодников, несколько весельчаков, на протяжении многих уроков развлекавшихся стрельбой из рогаток или плевавшихся промокашкой. К тому же классным руководителем оказалась совсем неопытная молодая учительница. Уроки были разные. Но большинство проходило под гул ребячьих голосов. Бывало, и цветочные горшки, как мячи, летали через класс.

И все же не жалел этот мальчик и не жалеет, став взрослым, что попал в тот пятый класс. И не только потому, что через год судьба в лице директора школы послала другую учительницу математики, она и стала классным руководителем. Более опытная, более требовательная и настойчивая. Он с благодарностью вспоминает Маргариту Васильевну и ее экскурсии по городу и музеям, ее классные собрания с беседами о манерах поведения, с математическими и географическими викторинами, которые помогли и ему, новичку, сдружиться с одноклассниками.

Но с благодарностью он вспоминает и свои драки с классными хулиганами, трусость и предательство друга, поспешившего скрыться, когда он, защищая его достоинство, дрался один против троих. Да, с благодарностью, ибо в этом переплетении чистоты и грязи формировался его характер, закалялся, если выражаться высоким штилем. И знание этой правды жизни, мальчишеской жизни, помогло потом выстоять в более серьезных испытаниях. Не думаю, что стерильная обстановка дома помогла бы ему в этом больше.

Рванула музыка в окне

Напротив.

Она не очень, не по мне,

Но я не против.

И все ж плясать не стану я

Под музыку чужую.

Я напишу свою сперва,

Потом станцюю.

Эти стихи он написал в год выпуска из школы. Писать свою музыку, писать ее своею жизнью, а не плясать под чужую дудку — вот его приобретение в том трудном пятом классе.

Слабый класс, трудный класс, тяжелый класс... Их, к сожалению, много и не только из-за случайностей. Порой это результат неумения или нежелания предвидеть последствия в период формирования, порой результат слабости первого учителя, его ошибок.

Размышляя над письмом, вспомнил я и свой первый класс — восьмой, — куда в школе-новостройке был брошен классным руководителем. Да-да, брошен. Знаете, есть такой старинный способ обучения плаванию: бросают посреди пруда — хошь, не хошь, а плыви. Тяжело было выплывать. Через месяц я положил на стол директору школы заявление с просьбой освободить от классного руководства в 8 «Б». Помню и долгий разговор в тот день. Вопрос был поставлен ребром: или меня освобождают или соглашаются с моим предложением — разогнать, вышвырнуть, исключить полдюжины закоперщиков, дабы оградить всех остальных, так подверженных их дурному влиянию. «Уйдут они из школы, — терпеливо объяснял мне директор, — но куда? На улицу. Развернутся на воле во всей своей красе, будут умножать число себе подобных?! Подумай над этим». Так же, как Ваш муж, предлагал я в поисках решения проблемы перемешать мой 8 «Б» с более нормальным 8 «А». «А ты уверен, — продолжал опровергать директор, — что будет лучше, что мы в этих двух классах окажемся сильнее, а не получим два 8-х «Б» вместо 8 «А»? Нет уж, пусть все остается по-старому, и твой 8 «Б» будет испытывать наше влияние, чем кто-то будет испытывать влияние твоих учеников. Не имеем мы на это права, морального права. Подумай, подумай над этим».

Я обещал подумать, хотя как молодой специалист и имел все формальные права настаивать на освобождении от классного руководства.

Мало что успел я за тот год, пока существовал 8 «Б». Закончив восьмилетку, часть ребят ушла в ПТУ, часть осталась в школе. Класс прекратил существование. Сейчас мои «бешники» уже отслужили в армии, переженились. И, встречаясь, мы радостно улыбаемся друг другу, жмем руки. Они с удовольствием рассказывают о себе. Не могу сказать, что все они стали прекрасными людьми, но и нет среди них законренных тунеядцев. Работают на благо общества слесарями, водителями, электриками.

Теперь, видимо, пора вернуться к тому, первому вопросу. К какой категории — актеров или режиссеров своей жизни — причисляете Вы себя, своего мужа, свою дочь? Если к первой, то можете дальше не читать. Теперь я обращаюсь только к людям второй категории. Правда, взволнованное письмо позволяет надеяться, что Вы в их числе.

Итак, что же мы, режиссеры, можем сделать?

Один пожилой учитель любил повторять: «Каков классный руководитель, таков и класс». Это верно, но отчасти. Всегда существует и обратное влияние. В отзывчивом классе не только работается легче, но и, поверьте, хочется больше сделать. Удачи окрыляют не только учеников, но и учителей. Успех, пусть поначалу небольшой, дает возможность поверить в свои силы.

С тем самым 8 «Б» недели через две после разговора с директором мы отправились в поход. Это было отчаянное предприятие, как я потом понял. До Звенигорода, куда мы собирались, мы так и не добрались. Один из «моих» 23 воспитанников пропал. Перед посадкой на электричку не досчитались одного. «Следствие показало»: в ожидании электрички на Звенигород двое потихоньку улизнули от меня под лестницу покурить. Подошла электричка, но не наша, а в другом направлении, народ на платформе двинулся, курильщики заволновались, один другому и посоветовал: «Садись!», а сам засомневался, а может, пошутил неудачно, да не признался потом. В ожидании возвращения курильщика пропустили мы нужную электричку, потеряли время. А меня постоянно било одно желание: «Вернуться! Чтобы впредь nepовaдно было!» Благо был с нами отец одной из девочек, старый турист, он и посоветовал, когда через час с лишним все были в сборе: «Не надо наказывать всех из-за одного. Это их только озлобит. Пойдемте просто в лес. Я знаю тут одно неплохое местечко». Мы пошли по новому маршруту. Благополучно вернулись домой. Все были довольны. И мой авторитет несколько вырос в глазах ребят, и кто-то уже прислушивался к моему совету или к моей просьбе. А я забрал заявление у директора.

Вот так. Нашлись люди, которые помогли мне сделать первый шаг с тяжелым классом, испытать первый успех. Помогите и Вы классному руководителю Лены испытать то же самое. Неизвестно, что он за человек. Вы о нем почти ничего не пишете, только сокрушаетесь: «За два года ни одной увлекательной экскурсии, ни одного собрания с детьми и преподавателями». Но стоит ли так сокрушаться? Ведь экскурсию на предприятие, в соседний колхоз, в лес, прогулку по городу Челябинску могли бы организовать и вы — родители. И пусть (это даже обязательно) поначалу в таких экскурсиях принял бы участие не весь класс, а ваши «шесть ударников» да еще четыре-пять неударников — вам было бы легче такой небольшой группой управлять и создать более увлекательную атмосферу. А, вернувшись, ребята взахлеб рассказали бы о поездке другим и, поверьте, проверено на опыте, в другой раз было бы больше участников, а может быть, кто-то из ребят и сам бы предложил тематику следующей экскурсии.

А если бы, ко всему прочему, вы бы разделили этот успех с классным руководителем, он бы, честное слово, помог ему в дальнейшей работе с классом, как помог когда-то мне. Помогите ему в становлении.

Что же касается собрания с детьми и педагогами, если в нем назрела необходимость, разрешение на него зависит от директора школы. Пойдите к нему группой родителей, попросите, потребуйте. Думается, вам не откажут. В конце концов школа существует для детей и их родителей, а не наоборот. Только не надо превращать это собрание в перебранку с детьми, со школой. На нем необходимо попытаться найти выход совместными усилиями. И если у вас в классе сложится хорошее родительское ядро, то и оно может стать основой классного коллектива, детского коллектива.

Это только со стороны кажется, что хороший класс — успевающий на «хорошо» и «отлично» — это коллектив. На самом деле это далеко не всегда так. Социологами установлено, что группы больше семи человек всегда распадаются на отдельные ядра, группировки. Объединить (на то или иное время) 30 человек может только лишь конкретная цель, очень конкретное дело, носящее поначалу, как правило, развлекательный характер, а затем уж трудовой, учебный. Вот и помогите родительским активом (для начала он может состоять только из Вас с Вашим супругом) найти классу и классному руководителю такое дело. Но не только найдите, но и помогите организовать, провести. И конечно, посмотрите, чтобы были в нем коллективистские начала. Если это будет поход, то пусть будет общий стол на привале и не будет «моей миски», «моей ложки». Договоритесь об этом перед походом с ребятами: дескать, так у туристов принято. Если это будет трудовой десант в подшефный колхоз, то пусть ребята работают добровольно, а заработанные деньги пойдут на общую конкретную пользу (например, билеты в кино, на стадион). Только в таком случае, по-моему. Ваша дочь может испытать настоящую «дружбу с одноклассниками» и классным руководителем, которого будут меньше угнетать и озлоблять постоянные неудачи. А вслед за этим придет более нормальная обстановка и, может быть, более «хорошие знания».

Но, повторюсь, любому классному руководителю — опытному и неопытному, работающему с огоньком или без него, нужна родительская поддержка, особенно в классе трудном, где всегда труда одного классного руководителя недостаточно. Единство воспитателей (родителей и учителей в данном случае) — одно из незыблемых правил педагогики, но единство всегда подразумевает прежде всего единство цели и взаимопомощь. И всегда кто-то должен сделать первый шаг, чтобы повести за собой других. Почему бы не сделать его Вам? У Вас есть одно неоспоримое преимущество перед остальными взрослыми и детьми вашего класса — желание.

И не ожидайте, пожалуйста, немедленных результатов.

Ваша дочь и ее одноклассники еще находятся в том благодатном возрасте, когда слова и особенно поступки взрослых людей еще оставляют заметный след в душе. Спешите. Спешите дать им возможность увидеть и испытать настоящие человеческие взаимоотношения. Спешите помочь учителям обрести веру в себя, она нужна не только им, но и Вашим детям. Спешите убедить свою дочь, что человек может подчинить себе случайность, может оказывать влияние на свою судьбу и даже, пусть немного, быть ее режиссером.

Конечно, можно срежиссировать и по-другому: «перевести ее в другой класс или школу...» Но где гарантия, что история не повторится? Да и в специальных классах и школах есть свои сложности. Там Ваша дочь — ударница, на фоне сильных учеников, особенно после недостаточной подготовки, вполне может стать неударницей. И будет еще одна неудача, и будет еще одна трагедия, и будет нарастать озлобленность уже на весь белый свет.

А брошенные, пусть едва наметившиеся, дружеские отношения с нынешними одноклассниками? Забудутся? Наверное, да. Но что-то огрубеет в душе Вашей дочери, станет она более равнодушной к человеческому несчастью, к человеческому горю. Да-да, это горе — плохой класс. Горе для всех — для ударников и неударников — для всех в конечном счете. Ведь пьяный дебошир, избивший на улице прохожего, наверняка учился в таком же классе.

И не приучите ли Вы свою дочь бегать от трудностей? Прятаться в укромное тепленькое местечко? Да, «рыба ищет, где глубже...», но человек и сам может создавать глубину, потому он и человек.

...Сегодня меня вызвали в профком. Пришло нехорошее письмо из школы. Теперь меня вызывают туда таким способом. А мне идти не хочется. Я устала от этих разговоров...

Имеет ли школа право насильно вызывать родителей на проработку?

Из письма И. Г-ой, Москва

Вместо ответа я решил привести свою статью из газеты «Советская культура». Опубликована она была накануне дня учителя. Но, наверное, над вопросом, поставленным в ней, следует задумываться не только накануне этого праздника...

Для чего нужна суббота?

Автобус медленно полз в гору. Тряхнуло. Чуть не помял сверток.

И зачем я купил эти бланки почетных грамот и благодарственных писем? Жена опять вздохнет и скажет, что я перед получкой трачу деньги неизвестно на что... Но нет, я-то знаю на что. Вот эту первую грамоту я вручу на собрании в конце года Володе Рябушкину. Он не только отличник, но и товарищ хороший. Володе к грамотам не привыкать, но вот бабушка его будет очень рада и, может быть, не будет смотреть с таким недоверием на меня — очередного классного руководителя. Вот это благодарственное письмо пошлю на работу матери Миши Колпакова, хотя нет, лучше отцу: он с ними не живет, и это будет ему деликатным напоминанием о сыне, которого он навещает нечасто... А это кому? Как мало я о них знаю!

Да, мы изучаем класс, учеников. Видим их на уроках и после уроков, в их пионерских делах, реже — в играх, походах. Но никакие наблюдения, никакие анкеты не дадут полного представления о твоём ученике прежде всего потому, что в школе он — ученик. Это одна из его социальных ролей, и играть ее он может совсем иначе, чем роль сына или мальчишки со двора.

Прозвенел звонок с урока. За спинами выходящих из кабинета учеников немолодая женщина с встревоженным лицом. «Кто она? — пытаюсь вспомнить. — Нет, не встречались». Спрашиваю: «Простите, вы ко мне?» — «Да. Я мама Коли. Я пришла к вам, потому что он очень хорошо отзывался о вас. Помогите мне». И на глазах у нее появляются слезы. Тяжело выслушивать признания сквозь материнские слезы, в которых почему-то и свою вину чувствуешь. Из сбивчивой речи расстроенной матери выясняется, что сын дома груб, дерзок, а сейчас, когда дожил до 16 лет, поднимает на мать руку. Такого Колю я представить не мог. В моей памяти был деликатный, с налетом ироничности, интересующийся многими проблемами молодой человек, к тому же пишущий стихи... А мама говорила и говорила, выплескивая скопившуюся горечь на сына, на отца, на семью. И я, и она понимали, что вряд ли моя помощь будет весомой. Конечно же, я обещал поговорить с Колей, попытаться повлиять. Но не поздно ли? Через полгода Николай заканчивал школу. Почему же не пришла эта мама раньше?

И я. Почему я за три года, пока учил Колю, не попал к нему в дом? Может быть, что-то и подметил. Понятно, меньше 150 учеников редко у какого школьного учителя бывает. Я и в своем-то классе, где классный руководитель, не у всех побывал. Времени не хватает! Да и не во всякий дом пойдешь с охотой. Бывало, и предупредишь заранее, и принимают тебя вроде бы радушно, а все же чувствуется какая-то напряженность, недоверие:

учитель пришел неспроста. Иногда удастся шуткой или рассказом о своем житье-бытье растворить эту перегородку отчужденности, вызвать на откровенный разговор об увлечениях сына или дочери, о товарищах во дворе, о книгах в шкафу, об отношениях внутри семьи, на воспоминания о детсадовском детстве. Но иногда и чаем потчуют, а сами, кажется, так и говорят: «Ну вот и не жалуется! Зачем же тогда пришел? Чего в чужую жизнь лезет?»

Сложный народ — родители! Разноликий. Одних, кажется, знаешь, как близких людей: встречались часто, помогали тебе в чем-то. А других и в стенах школы встретишь — не узнаешь. Разве по чертам лица сына или дочери угадаешь, чей отец, чья мать. Почему же порой бывает столь редким общение родителей и учителей? Почему многие родители так редко бывают в школе? Даже на родительские собрания приходят раз в несколько лет.

Помню, как я волновался, готовясь к проведению первого в своей жизни родительского собрания. Перед первым своим уроком не дрожал. Перед старшим инспектором не дрожал. А здесь переживал. Может быть, потому что родительское собрание — это и есть главный инспектор, самый что ни на есть народные контроль? Причем эти инспектора придирчивые, ибо школа для многих из нас — один из первых источников неприятностей. Для многих — это и для взрослых, и для детей. Вспоминается, как почти взрослым, десятиклассником, я с трепетом ожидал возвращения мамы с родительского собрания. И первый вопрос: «Что обо мне говорили?» Это был суд. И никогда нельзя было быть до конца уверенным, какой приговор вынесут.

И вот теперь в роли судьи должен выступать я. Ответственно. Но почему в роли судьи? Запомнились слова директора школы: «Не вздумайте ругать кого-то из ребят публично на этом первом вашем родительском собрании и ни на каком другом. Иначе к вам ходить больше не будут. Говорите об общих проблемах, тех, что касаются родителей всего класса. Если надо с кем-то «крупно» поговорить, попросите остаться после собрания. Но лучше это сделать в другое время и только с глазу на глаз. Родители должны быть вашими союзниками, а не врагами. Щадите их самолюбие». Это был совет человека, отдавшего школе четверть века.

Взаимовежливость и взаимопонимание — вот то, чего нам порой не хватает, и не только в переполненном автобусе.

Перед глазами две встречи. Первая. Пришла бабушка и стала требовать, чтобы на ближайшем пионерском сборе проработали внучку-шестиклассницу за грубость по отношению к ней. Я возразил, что подобная мера вряд ли изменит сущность поведения девочки. Мне уже достаточно хорошо была известна их семья. Несколько раз бывал у них дома и увидел, и понял, в том числе и со слов самой бабушки, что взрослые члены семьи сами исполняют многочисленные прихоти внучки. Поэтому необходимо было изменить прежде всего поведение самой бабушки как воспитателя. Это-то я и попытался ей объяснить. Но у нее был один резон: «Вот Надежда Ивановна в третьем классе прочистит ей мозги перед всем классом, и она месяц ходит как шелковая!» — «Но ведь только месяц,— пробовал возразить я. — Надолго такой «проработки» не хватает. Да и внучка ваша на три года старше стала. Ударь ее при всех по самолюбию, так она еще больше обозлится». Но бабушка моих слов не воспринимала и обещала жаловаться. Не знаю, что ее остановило. Может быть, моя искренность все же переубедила ее, а может быть, и то, что я, щадя самолюбие «первой красавицы класса», поговорил с ней один на один, и она кое-что поняла и слегка изменила свое отношение к бабушке?

«Окно» (свободный урок). Решил заглянуть к своим, к моему 6 «В» на физкультуру. Со звонком поднимаюсь в спортзал. Но еще в дверях начинающий учитель физкультуры озадачил жалобой: «Вот уже третий урок подряд не могу начать из-за Ушакова. Я его удалил. Вон он в раздевалке». «Опять Ушаков!» — досаду про себя. Жалоба за жалобой. То класс не убрал, то урок сорвал. Сколько можно?! И главное, никак не могу толком поговорить с этим Ушаковым. Прямо «неуловимый мститель» какой-то! Как будто и не было прошлого года, когда, кажется, удалось найти ключик к его сердечку. Не было как будто ни совместно решенных задач по математике, ни дружеских бесед о житье-бытье, и будто бы не он, Ушаков, был первым из тех в этом трудном классе, кто ездил со мной в Кремль, в Политехнический, в ТЮЗ... Учиться он, правда, лучше не стал, но хоть на уроках вел себя скромнее, к словам моим прислушиваться стал. И вот прошли летние каникулы.

Ушаков сиротливо стоял в раздевалке. «Иди-ка сюда», — позвал я, Ушаков подошел, ожидая услышать нотацию. «Думаешь, я тебе лекцию читать буду? — сумрачно произнес я. — Но ты же лучше от этого не станешь... человечнее, добрее... Десять дней прошло. Что ты за эти дни своей жизни хорошего сделал? Только резвишься и веселишься. А от веселья твоего, кроме вреда, никакой пользы. Ни учителям, ни товарищам». И тут я почувствовал, что опять срываюсь на нотацию, морализирование, а мне ведь прежде всего надо понять, почувствовать сегодняшнего Ушакова.

И я резко меняю тему: «Ну как съездил в ГДР?» (Ушаков накануне каникул несколько раз при случае радостно сообщал, что отца посылают в ГДР в командировку, и он обещал взять его с собой. Тогда мы вместе радовались.) «Ну так как там, в ГДР?» — «Я не был в ГДР». Ушаков еще больше насупился. «Почему?» — «Отец не взял». — «Почему?» — по инерции спросил я, хотя уже ясно понимал, почему. В четвертой четверти в дневнике Ушакова и по русскому, и по математике стояли двойки. И хотя за год были тройки, эти двойки сыграли свою невеселую роль.

«Теперь понятно, почему ты озлобился! — невольно выдохнул я. И тут же поправился: — Но и отцу с матерью тоже было несладко из-за твоих «успехов». Что же, так и будем катить этот ком: дурное поведение — наказание — наказание — еще хуже буду!» Я говорил уже совсем мягко, но слезы в глазах Ушакова остановили меня. «Иди, Максим».

Но и в этот день Ушаков класс не убирал. Ребята во главе со старостой по-мальчишески прямолинейно пытались силой затащить его на уборку. Я остановил их: «Поступай, Ушаков, как знаешь!». На следующий день кабинет был чисто вымыт. Дежурили Куманев и Ушаков.

Что же толкнуло его совершить этот шагочек к тому, чтобы стать лучше? То, что я случайно понял Ушакова и посочувствовал ему? Но всегда ли можно надеяться на случайность? Как мало иногда нужно, чтобы изменить человека! Как много нужно, чтобы это «малое» случилось...

Порой родителей останавливает вопрос: насколько откровенным должно быть общение со школой? Не использует ли учитель полученные сведения во вред ребенку?

Что говорить, есть еще учителя, которые любят ошеломить ученика некоторыми деталями из его жизни, использовать осведомленность для повышения своего «авторитета» всевидящего бога: «Что же это ты, Андрюша, занимаешься часами лепкой солдатиков, а домашнее задание и десяти минут не делаешь? Скажу твоему папе, чтобы он убрал пластилин подальше...», «Светлана, я знаю мальчика, с которым ты дружишь. Его зовут Боря, он учится на третьем курсе индустриального техникума. Да и только ли вы дружите? Я в твои годы думала об учебе...»

Подобные случаи нередки. Порой учитель не стесняется делать такие замечания публично, в классе, не понимая, что они принижают, оскорбляют не только того, кому адресованы, но и одноклассников. И вместе с тем рвутся контакты с педагогом, растут протесты, иногда скрытые, но протесты души...

А что же делать родителям? Отказаться от общения с таким педагогом? Нет, кажется, задача в другом. Надо помочь ему увидеть в поступках своего ребенка добрые человеческие черточки: будь то лепка солдатиков или умение приготовить котлеты вместо уставшей мамы — это будет помощь и собственному ребенку и педагогу. Ибо, воздействуя на его мнение о ребенке, родители в той или иной степени воздействуют на мнение одноклассников. А становясь лучше в глазах других, ты и сам становишься лучше. Особенно это относится к детям, испытывающим постоянные неудачи в школе.

«Причина бессилия воспитателя и даже коллектива перед трудным ребенком кроется не в том, что этот воспитанник неисправим, а в том, что самый процесс воспитания идет по ложному пути: воспитатель стремится только искоренить пороки, в лучшем случае предотвращает их возникновение. Опыт (во многих случаях горький опыт) убедил, что таким путем нельзя воспитать стойких нравственных убеждений... «С первого дня пребывания в школе надо уметь увидеть и неустанно укреплять, развивать в ребенке все лучшее» — так писал В. А. Сухомлинский, обращаясь к профессиональным воспитателям. Но кто как не родители могут помочь им увидеть «все лучшее» в ребенке? Чье же, если не родительское слово, согретое любовью, может донести его до сознания других? Здесь, думается, скромность неуместна.

Не столь давно в нашем языке существовало понятие «родительева суббота». А попросту говоря, поркой пытались «очистить душу» ребенка перед святым воскресеньем. Мы, неверующие, верим, что «чистая душа» нужна не только по воскресеньям. А очистить ее помогут прежде всего внимание и понимание.

Вот уже более десяти лет как работающие по субботам школы ждут родителей. И нужда эта «родительская суббота» всем нам — воспитателям (то есть учителям и, родителям). Нам и тем, кому мы поем: «А вы — продолжение наше...» Потому что ни мы, учителя, без родителей, ни родители без нас воспитывать маленького человека не можем.

Мы, взрослые, все в той или иной степени воспитатели. Хотим мы этого или нет. Это прописная истина. Но часто ли мы вспоминаем о ней среди наших горячих будней? Задумываемся ли мы над стратегией воспитания, над стилем взаимоотношений между взрослым и ребенком. Видим ли перспективу этих отношений?

Посмотрите еще раз на родительские письма. Они о детях девяти — пятнадцати лет. И почему-то мало приходит в редакцию писем о проблемах воспитания детей более раннего возраста. А объяснение простое: в младенчестве ребенок слаб и податлив. От еще не сформировавшейся личности мы можем добиться послушания любым путем. В податливости малышей и заключена для многих родителей иллюзия отсутствия педагогических проблем в раннем возрасте. Расплата за эту иллюзию приходит, к сожалению, через много лет, когда мы больше занимаемся перевоспитанием, чем воспитанием.

«Каждый человек — это огромный звездный мир»,— любим мы повторять расхожее поэтическое сравнение. Но ведь звездный мир не только огромен. Он постоянно изменяется. Мир человека, в отличие от звездного, меняется гораздо быстрее, и не только сам по себе, но и под нашим прямым или косвенным воздействием. Хотим мы этого или не хотим, но наше каждодневное поведение накладывает на детей свой отпечаток. Но только одного не принимает юная душа — грубого нажима.

И наверное нет важнее задачи у воспитателя, как с первого появления воспитанника избрать верный тон отношений с ним, настроить свою душу, как гитару, в лад

с его душой. Только тогда сможет зазвучать музыка, а не какофония. Воспитание уважения к людям, которое мы так стремимся развить в детях, начинается не с уважения и почтения к родителям, к соседям, к учителю, к распорядку дня, а прежде всего с уважения к ребенку. Будем помнить, что все наши устремления, назидания, поступки, правила и учреждения существуют для живого конкретного ребенка, а не наоборот.

Великий наблюдатель жизни Н. В. Гоголь в одном из писем отметил, что будущее вырастает из настоящего. Так не будем тянуть в настоящее, пусть по инерции, пусть неосознанно, прошлое нотации, формализма, насилия — не только физического, но и морального — над ребенком, а будем каждодневно очищать себя от того, что привыкли мы именовать «родимыми пятнами прошлого». Будем видеть и слышать как в детях, так и в себе того веселого барабанщика, что идет через «хлопотливый и гремющий» полдень.

О воспитании написаны десятки тысяч книг, созданы фундаментальные учебники, но все их многочисленные положения, наверное, можно свести к трем основным понятиям, без которых педагогика немислима. Во-первых это личный пример воспитателя. Во всем, в самых повседневных мелочах. Ибо через эти мелочи-то мы и проявляемся для детей, глаза которых очень внимательны по отношению к тем, кого они уважают и любят. Во-вторых — это педагогическая атмосфера, та совокупность взаимоотношений, которая складывается и в семье, и в школе, и на улице. Иначе ее называют жизненным укладом. В-третьих — это разъяснение. Стремление через слово объяснить воспитаннику законы внешнего взрослого мира, стремление воспитателя быть правильно понятым.

И такая градация не случайна. Задолго до того, как ребенок научится понимать наше слово, наш язык, он уже воспринимает, впитывает наши действия, все наше поведение. Ведь не хуже, а чаще и лучше наших многочисленных поучений воспитывают старые выцветшие фотографии дедов и прадедов, честно проживших свою жизнь, и наш рассказ о них, об их судьбах. Останавливая ребячью шалость грубым окриком, добываясь с помощью ременной «педагогике» от неумеющего организовать себя мальчишки хороших отметок, которыми можно было бы гордиться перед знакомыми, мы тем самым невольно приучаем ко лжи и изворотливости. Все это незаметно для нас и для них входит в представление о нормальных человеческих отношениях. Замечаем мы это — если замечаем — потом, когда наше педагогическое невежество вошло в плоть и кровь подрастающего человека.

Гуманную личность можно воспитать лишь нравственными средствами. Собственно воспитание есть одновременно и самовоспитание. Требуя что-либо от другого, требуй этого и от себя, воспитывая других, одновременно воспитывай и себя. Эта истина непреложна. В ней заключена диалектика воспитания. Воспитывая детей, мы, взрослые, стремимся к более совершенному будущему. Но достигнуть этого мы можем лишь совершенствуясь вместе с этим будущим. И если мы говорим о необходимости единства действий в педагогике, то под этим единством должны мы понимать не только союз многочисленных взрослых воспитателей, но и единство с нашими воспитанниками. А в основе этого единства должно быть чувство любви и стремление к взаимопониманию.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Амонашвили Ш. А. Созидая человека. М., 1982.
Караковский В.А. Чтобы воспитание было успешным... М., 1979.
Корчак Я. Избранные педагогические сочинения. М., 1979.
Овчинникова И. Г. Отцовство. М., 1981.
Преловская И. С. Взрослые дети. М., 1981.
Скрябин М. Е., Писаревский В. Э. В тени зеленой беседки. Л., 1980.
Соловейчик С. Л. Учение с увлечением. М., 1973.
Сухолинский В. А. О воспитании. М., 1975.
Шаталов В. Ф. Куда и как исчезли тройки. М., 1979.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю.....	3
Куца доброта	5
«Оглянись во гневе!»	19
«Кандидат в родители» — почетное звание?	25
Послушный ребенок — радость или беда?	29
«Спринт» или забег на бесконечную дистанцию?.....	34
Зерна совести.....	39
Наказание одиночеством	46
Подделка в дневнике	51
Простые секреты	58
«Если бьет дрянной драчун»?..	66
Быть ли перемене в перемене?	72
Рыба ищет, а человек создает...	79
Для чего нужна суббота?	86
Рекомендуемая литература	95

Храпов Валерий Евгеньевич
РОДИТЕЛИ ПРОСЯТ СОВЕТА

Главный отраслевой редактор Р. Д. Смирнова. Старший научный редактор О. Г. Свердлов. Младший редактор Е. Л. Калакуцкая. Художник В. И. Провалов. Художественный редактор Т. С. Егорова. Технический редактор С. А. П т и ц ы н а. Корректор Н. Д. Мелешкина ИБ № 5872

Сдано в набор 12.10.82. Подписано к печати 09.12.82. А03053. Формат бумаги 70X100^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура журн. рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,90. Усл. кр.-отт. 8,124. Уч.-изд. л. 4,76. Тираж 455 670 экз. Заказ 1626. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 832101. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.